

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

НАЕМНИК

ОБОЙМУ МОНЕТАМИ

НЕ НАБЬЕШЬ

Наемник

Сергей Зверев

Обойму монетами не набьешь

«Научная книга»

2007

Зверев С. И.

Обойму монетами не набьешь / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2007 — (Наемник)

Имя, фамилия: Андрей Турыгин. Кличка: Мангуст. Опыт: в прошлом служил капитаном ГРУ. В данный момент – наемник, личный телохранитель олигарха Тимохина... Вот, собственно, самые важные сведения из секретного досье. Все остальное принимается априори. Мангуст – это сплав воли и принципов. Он никогда не играет против своих, он не предает интересов Родины, он полагается только на себя. Он ни на шаг не отступает от своих принципов даже здесь, в Бразилии, где никогда и никому нельзя верить. Даже в джунглях, где каждое мгновение следует ожидать удара в спину. Даже на грани смерти, где жизнь не стоит и ломаного гроша...

© Зверев С. И., 2007

© Научная книга, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Зверев

Обойму монетами не набьешь

Глава 1

Телефон издал негромкий, мурлыкающий звук. Андрей открыл глаза. Он проснулся мгновенно – некоторым вещам трудно научиться, но разучиться потом еще труднее. Умением просыпаться за доли секунды, минуя полусонное состояние, Андрей овладел лет двадцать назад. И, как минимум, дважды именно это умение спасало ему жизнь. Правда, с тех пор много воды утекло, многое изменилось. Последние пять лет от такой способности было больше вреда, чем пользы. Но, с другой стороны, лучше уметь, чем не уметь – о чем бы ни шла речь.

В комнате было темно, за окном еще даже не начало светать. Значит, и шести утра еще нет. Интересно, кому он так срочно понадобился? Андрей дождался второго звонка – не хотелось дергаться, если это просто ошибка, случайное соединение. Но нет, телефон снова мурлыкнул – тихо, но требовательно.

Осторожно, стараясь не разбудить спящую рядом с ним Ингу, Андрей приподнялся и дотянулся до трубки.

– Да, слушаю.

– Здравствуй, Мангуст.

Говоривший не представился. Просто не нужно было. Этот голос Андрей Иванович Турыгин, в определенных кругах известный как Мангуст, не мог не узнать. Первый командир – как первая любовь. Исчезнуть из жизни может, забыться – нет.

– Здравствуйте, Аркадий Семенович. – Андрей не случайно назвал собеседника по имени-отчеству. Отношение к Аркадию Столетову у него было неоднозначное. Но иначе обратиться к этому человеку он просто не мог. Слишком уважал.

– Как жизнь? Не заскучал там еще, на малой родине? – спросил Столетов.

– Жизнь – прекрасно. А скучать мне некогда. И вашими стараниями тоже, кстати говоря.

– Ну, прямо уж и моими. Когда я тебя последний раз о чем-то просил?

– Четыре месяца назад.

– Вот видишь.

Андрей усмехнулся.

– А вы бы предпочли, чтобы я, как раньше, на вас работал все двадцать четыре часа в сутки, без отпусков и выходных? И примерно за те же бабки, какие сейчас какой-нибудь паршивый менеджер получает?

– Честно сказать – предпочел бы, – совершенно серьезно отозвался Столетов. – Таких, как ты, мало. Не скажу, что раз в сто лет рождаются, но раз в десять – это уж точно. Конечно, я не настаиваю на двадцати четырех часах в сутки. Отпуск и выходные я тебе тоже обеспечил бы. Да и с деньгами проблем бы не было. С тех пор, как ты ушел, многое изменилось...

– Нет уж, спасибо! – хмыкнул Мангуст. – Я не такой идиот, чтобы два раза на одни грабли наступать. Мне и так неплохо живется.

– Даже если я тебе скажу, что, если вернешься, сразу подполковника получишь?

– Ого! Через звание?!

– Именно.

На этот раз Мангуст помедлил. Но недолго – всего пару секунд.

– Нет. Хотя интересно, зачем же это я вам так понадобился? И притом именно сейчас?

– Именно сейчас-то ты мне как раз нужнее в таком качестве, в каком ты есть сейчас. То есть – свободным стрелком, солдатом удачи. Но насчет предложения моего подумай – я ведь всерьез говорил.

– Подумаю. А теперь давайте о деле, Аркадий Семенович. Вы же, если я еще хоть что-то в жизни понимаю, мне не для того среди ночи позвонили, чтобы похвалить и предложить вернуться на службу?

– Среди ночи? – с искренним удивлением переспросил Столетов. – Сейчас девять часов утра!

Андрей только молча улыбнулся и головой покачал. Да. А ведь Столетов профессионал, каких мало. И умен – так умен, что половина всемирно известных философов и ученых свободно могли бы к нему в мальчики для битья идти. И все равно – москвич есть москвич. В жизни не вспомнит о том, что существует такая вещь, как региональное время.

– У вас девять, – сказал Андрей. – А у нас тут пока и шести нет.

– Ладно, переживешь, – хмыкнул Столетов без малейшей тени раскаяния в голосе. – Так вот, слушай. Есть одно дело, для которого ты подходишь лучше любого другого. Короче говоря – бери билет и вылетай в столицу. Здесь встретишься с одним человеком, он тебе все и объяснит. Если договоритесь – он же тебя и наймет.

– А если не договоримся?

– Тысячу баксов он тебе платит в любом случае. За беспокойство, так сказать. Но ты согласишься, Мангуст.

– Откуда такая уверенность? Вы мне теперь не командир. Я, может, вообще никуда не полечу. Не мальчик ради штуки баксов, из которой половина на авиабилеты уйдет, с места дергаться. Может, у меня тут дела поважнее.

– Нет у тебя там сейчас важных дел, не заливай, – уверенно сказал Столетов. – А насчет того, откуда уверенность... Знаю я тебя, Мангуст, неплохо – вот откуда. Тот человек, с которым я тебя свожу, тебе понравится. И его предложение тоже. Ты, кстати, как, испанский язык еще не забыл?

– Нет пока. А что, понадобится?

– Наверняка. Ладно, досыпай давай, а как встанешь – сразу в аэропорт. Билеты лучше прямо сейчас закажи, по телефону.

– Это я уж как-нибудь сам разберусь, – огрызнулся Андрей. – В Москве куда идти?

– Тебя встретят в аэропорту и отвезут куда надо. Только сообщи, каким рейсом летишь.

– Кому?

– Мне. На второй телефон.

– Ладно, договорились.

В трубке запиликали короткие гудки. Андрей аккуратно вернул ее на аппарат и снова лег. Сна уже не было ни в одном глазу. Можно было, конечно, поспать еще часок, просто из принципа. Но зачем, если уже не хочется? Тем более что за окном ночную темноту уже начали понемногу сменять сумерки.

Мангуст осторожно встал и пошел на кухню. У него была привычка – каждое утро начинать со стакана холодного молока. Не включая света, он залез в холодильник, вытащил пластиковую бутылку, так же, на ощупь, нашел стакан, набулькал доверху. С наслаждением выпил. Усмехнулся. Ингу, да и других женщин, которых он сюда периодически приводил, всегда поражало, как он умудряется ориентироваться в полной темноте. Один раз был случай, когда он в одиннадцать вечера при отключенном свете плов принялся готовить. И прекрасно справился – без всяких свечей, фонариков и прочих пошлостей. Нашел всю нужную посуду, ингредиенты и ни разу ни обо что не споткнулся. И дело не только в профессиональных рефлексах. Просто здесь, в этой небольшой двухкомнатной квартирке, он прожил первые шестнадцать и последние пять лет своей жизни. И никаких перестановок никогда не делал. Зачем перемены, если его

и так все устраивает? Конечно, с его нынешними доходами он мог бы здесь хоть десять евро-ремонтных организовать. Или просто купить новую хату, обставленную по последнему писку какой угодно моды. Но зачем? И ориентироваться он здесь может хоть с закрытыми глазами, и вообще... Правда, женщинам этого не понять.

Андрей снова усмехнулся – вспомнил о том, что как раз вчера вечером Инга предложила наклеить в кухне моющиеся обои и сделать в обеих комнатах подвесные потолки. Это был своего рода сигнал тревоги – как только очередная подруга начинала делать такие предложения, Мангуст приступал к деликатному удалению ее из своей жизни. Теплилась, правда, в душе надежда, что когда-нибудь попадется такая, у которой инстинкт, призывающий вить гнездо, окажется не столь силен. Но пока из восьми... или девяти? Ну, в общем, почти из десятка девушек, побывавших его подругами за последние пять лет, такой не нашлось.

За окном уже начало светлеть. Мангуст выпил еще один стакан молока и вернулся в спальню. Нужно было позвонить в аэропорт, заказать билет до Москвы. Конечно, в разговоре со Столетовым он старался продемонстрировать независимость, но на самом деле почти сразу решил, что согласится на предложение бывшего командира. То есть, как минимум, слетает в столицу и поговорит с потенциальным клиентом. А там уж видно будет. В конце концов Столетов знает, за какие дела он берется, а за какие нет. Значит, можно надеяться, что ничего совсем неподходящего ему не предложат.

Связь с аэропортом оказалась на редкость паршивой. Просто удивительно – с Москвой, до которой хренова туча километров, он только что разговаривал без малейших проблем. А теперь и треск в трубке, и голос собеседницы еле слышно.

– Да, – с трудом сдерживая раздражение, в третий раз повторил Мангуст. – Один билет в бизнес-класс. До Москвы. На ближайший рейс. Все ясно?! Или мне еще раз повторить?

Помаевшись еще минут пять, повторив каждое слово раза по три-четыре, Мангуст сообщил всю необходимую информацию, ответил на положенные вопросы. И со вздохом облегчения положил трубку. До отлета оставалось чуть больше четырех часов, нужно было решить, на что потратить это время. Собирать вещи было не нужно – сумка с дежурным комплектом снаряжения была всегда наготове. Тогда...

– Как тебе терпения хватило все по сто раз повторять? – Мягкая ладошка Инги коснулась плеча Андрея. Он на мгновение прикрыл глаза и выругался – про себя, естественно. Все-таки разбудил. А так надеялся, что она не услышит. Тогда бы о том, что он улетает, неизвестно насколько, можно было бы сообщить за час до рейса, когда на выяснение отношений уже просто времени не осталось бы. А так придется, видимо, объясняться сейчас.

– А что ж делать было? – сказал он вслух, пожав плечами. – Ну не хватило бы у меня терпения, и что дальше?

– Я бы уже орать на эту дуру начала.

– Какую дуру?

– Ну ту, с которой ты разговаривал.

– И какой от этого смысл? Она ж не виновата, просто плохая связь была. Только больше времени потратил бы из-за скандала.

– У, какой ты! – Инга ткнула его кулачком в бок. – Разумный, рассудительный фу-ты ну-ты! Я так не могу. Кстати, а куда это ты собрался?

– В Москву.

– И надолго?

– Сам еще не знаю точно, – отозвался Мангуст. Он, конечно, легко мог бы соврать. Но среди его жизненных правил было и такое: врать только на работе. В конце концов, надо же дать девчонке шанс! Вдруг у нее хватит ума понять все правильно и не устраивать разборок с истерикой? Мало шансов, конечно, но бывают исключения из любых правил.

На этот раз исключения не получилось.

Симпатичная мордашка Инги сморщилась – она стала похожа на китайского мопса.

– Как это понять, сам не знаешь?! – спросила девушка. И голос у нее сразу стал противный – с визгливыми нотками. Правда, пока они были едва заметны, но это дело наживное.

– Так и понять, – спокойно отозвался Мангуст. – Похоже, работа наклеивается. И неплохая. Нужно поговорить с одним человеком. А уж от результатов разговора и будет зависеть, сколько меня не будет. Может, через день вернусь – если условия не устроят.

– А если устроят? – Визгливые нотки в голосе Инги стали куда заметнее.

– Тогда не через день. Сделаю дело – и вернусь.

– Интересно... – протянула Инга. – А если дело будет на месяц, скажем?

– Значит, вернусь через месяц.

– А если на год?!!

– Тогда через год.

Андрей был уверен, что поступает правильно. Его дело – дать понять женщине, что она занимает в его жизни далеко не первое место. А там уж пусть сама думает, устраивает это ее или нет.

– А как же я?! – Глаза, разумеется, были уже на мокром месте.

– Жди, – сказал Мангуст. – А не хочешь – не жди.

– И ты так спокойно это говоришь?!

– А как мне еще это говорить? Испокон веков, знаешь ли, так повелось. Мужчина уходит, женщина ждет. Или не ждет.

Внешне Андрей был спокоен, а в душе грустно усмехнулся. На эти грабли он уже один раз наступал. Была уже в его жизни женщина, которая примерно так себя и вела. Никак не могла смириться с тем, что у мужа есть служба и что по служебным делам его могут в любой момент выдернуть из дома – и не исключено, что надолго. При этом то, что муж капитан элитного спецназа, что получает приличные деньги и имеет неплохие перспективы – это как раз устраивало. А вот необходимость ждать – не устраивала. И кончилось это плохо. В памяти Мангуста всплыла знакомая картина, его передернуло.

– Андрей! Ты меня слышишь или нет?! – Инга тряхнула Мангуста за плечо, и он осознал, что последних ее слов действительно не услышал.

– Нет. Извини, задумался. Вспомнилось кое-что.

– У тебя такое лицо стало... – выдохнула девушка.

– Какое?

– Страшное. И старое. Что ты вспомнил?

– Да так... Неважно.

На самом деле это было важно. Но рассказывать об этом Инге не стоило. Вряд ли ей будет приятно узнать о том, что он своими руками убил бывшую жену и ее любовника. А именно так и было, именно это и вспомнилось. Пока он за родину чужие глотки резал и свою подставлял, жена ему примитивно рога наставила. Нет, никаких пошлостей из анекдота со внезапным возвращением из командировки и голым «слесарем», обнаружившимся в шкафу, не было. Просто он это просек, когда в очередной раз вернулся. Почувствовал измену. И спросил жену. Она какое-то время повиляла, а потом призналась – его хорошо научили спрашивать. Нет, конечно, так называемых «форсированных методов» он к ней не применял. Просто умело загнал в угол грамотными вопросами. И она созналась. Правда, он дал ей возможность уйти – с условием, что она никогда больше не появится в его жизни. А потом отправился к любовнику – он его неплохо знал. Как ни банально, но это был один из соседей. Он честно сказал мужику, что пришел его убивать. Сказал за что. И даже дал возможность схватиться за кухонный нож. Но нож тому не помог.

Конечно, потом были проблемы. Он ведь не стал скрываться. Правда, и в ментовку не пошел – это был бы совсем идиотизм. Вместо этого отправился к генералу Столетову. И честно

ему все рассказал. Все же странно иногда жизнь поворачивается. Ведь Столетов тогда его непосредственным начальником не был, между ним и капитаном Турыгиным было еще два человека. Но Мангуст пошел именно к Столетову – потому что он мог решать, почти ни на кого не оглядываясь. Генерал ГРУ – серьезная фигура. И Столетов решил, что Мангуст поступил правильно. А если и не совсем правильно, то уж, во всяком случае, так, как имел право поступить. В общем-то, ничего удивительного – у профессиональных военных представления о ценности человеческой жизни несколько иные, чем у либеральных журналистов и общественных деятелей. В общем, генерал его отмазал. Видимо, счел Мангуста достаточно ценным кадром, чтобы просто взять и отдать ментам на растерзание. Возможности у него были очень нехилые. Он кому надо позвонил, на какие надо кнопки нажал, и дело об убийстве осталось нераскрытым. С тех пор отношения между Столетовым и Турыгиным стали несколько иными, чем просто между капитаном и генералом одного ведомства. Мангуст замечал – он даже задания после того случая стал получать более серьезные. Зауважал его Столетов, надо понимать.

– Наши отношения с тобой – это тоже неважно? – Инга прервала поток воспоминаний, и Андрей был ей за это благодарен.

– Важно, – ответил он, – но работа – важнее.

– Что у тебя за работа такая, в конце концов?! До сих пор толком не объяснил!

– Это трудно объяснить.

– А ты попробуй! Я не тупая, пойму!

– Ну, можно сказать, что я специалист по кризисным ситуациям.

Мангуст и на этот раз остался верен своему принципу. Он не соврал. Просто не объяснил, что именно имеет в виду. Ведь, по большому счету, высокопрофессионального боевика-наемника вполне можно назвать специалистом по кризисным ситуациям. Именно в таких ситуациях людям и бывают нужны его услуги. К примеру, год назад в Иркутске мафия оборзела настолько, что попыталась начать чуть ли не полномасштабную войну с особым отделом местного военного округа. Разве это не кризисная ситуация? И разве не с его помощью она была разрешена? Дело было в том, что местный военкомат попытался призвать на службу одного из «быков» той группировки. А он оборзел и решил, что крут настолько, что может даже не откупаться, а просто на хер военных послать. Так и сделал. Разумеется, военком такой наглости не стерпел, принял соответствующие меры. И в тот же день его сильно избили в подъезде собственного дома. После этого и вмешался особый отдел. Но и у них дело пошло туго – бандиты обнаглели. Конечно, у особистов и своих спецов хватало, могли и сами справиться. Но в своей области у них были связаны руки, слишком многие их знали. Поэтому действовать с должным размахом они не могли – ведь попадаться было никак нельзя, иначе шум бы поднялся до небес. И через соответствующих людей вышли на Андрея. Он съездил в Иркутск, и за пять дней оборзевшая группировка лишилась двенадцати человек. А после этого послал ее лидеру письмо, в котором честно предупредил, что он следующий на очереди. И бандит в тот же день признал, что был совершенно не прав, а тот самый «бык», из-за которого все началось, уже через неделю плац топтал. В общем, кризисная ситуация была успешно разрешена.

Разумеется, рассказывать обо всем этом Инге Мангуст совершенно не собирался. Поэтому и отделялся общими словами.

– Нет, я так не могу! – нервно воскликнула девушка. – Ты мне не доверяешь!

– Доверяю, насколько могу, – ответил Андрей.

– Мне не надо, насколько можешь! Мне надо до конца!

Мангуст почувствовал, что этот бесполезный разговор пора заканчивать.

– В общем, я уезжаю через четыре часа. Это однозначно. Что делать, когда я уеду, – решай сама. Болтать об этом мне надоело. Если согласна закрыть эту тему – займемся чем-нибудь поприятнее, – он придвинулся поближе к девушке, которую тонкая простыня прикрывала только до пояса, – а если не согласна – то дальше говорить будешь сама с собой.

Несколько секунд Инга молчала. Она была знакома с Мангустом меньше месяца, но уже успела довольно неплохо его изучить. И чувствовала – сейчас он говорит совершенно серьезно. Если попытаться продолжать разборку, он просто встанет и уйдет. Что ж, пожалуй, именно эта решительность и делала его привлекательным.

– Согласна... – прошептала она.

Простыня соскользнула еще ниже.

Глава 2

Во время перелета от Новосибирска до Москвы Мангуст занимался полезным делом – читал детектив на испанском. Столетов, помнится, спрашивал, не забыл ли он еще этот язык. И наверняка не просто так, видимо, это понадобится. Что ж, как выяснилось – не забыл. Хотя за последние годы пользоваться испанским ему пришлось всего пару раз, никаких проблем не возникло. Хорошо его в свое время научили.

Разумеется, Мангуст знал язык не на том убогом уровне, которого стараются достичь студенты факультетов иностранных языков. Нет, его, когда он еще только начинал носить военную форму, учили по-настоящему. То есть так, чтобы мог говорить и понимать не хуже того, кто владеет этим языком с детства. Так, чтобы можно было выдавать себя за уроженца испаноговорящей страны. Обычно в качестве гипотетической родины Андрей использовал Аргентину – именно аргентинский выговор ему в свое время поставили. Так что даже опытный человек, услышав, как Мангуст говорит по-испански, ни в коем случае не заподозрил бы в нем русского. Кстати, с учетом аргентинского выговора он и английский изучал. То есть, обучая его этому языку, преподаватели достичь полнейшего идеала не старались – напротив, остановились, когда лейтенант Турыгин мог изъясняться по-английски как раз так, как какой-нибудь аргентинский парень, который дома язык выучил, а потом еще изрядно по белу свету помогался. И выговор английский у него был опять-таки типичный для латиноамериканца.

Может показаться, что для боевика это не так важно. Дескать, языки – шпионам и резидентам, а боевику зачем? В самом деле – прилетели, взорвали и улетели – многие примерно так себе спецназ ГРУ и представляют. Так бывает, но редко. Чаще перед спецназовцами ставят куда более многоплановые задачи. Взять простейший случай – когда надо просто кого-то устранить в той же Латинской Америке. Ведь тот, кому дело поручено, должен в чужой стране не привлекать к себе внимания, обладать самостоятельностью. А без знания языка это нереально. Что там язык – перед каждым заданием за границей с боевиками проводили спецсеминары по «стране пребывания» – начиная от наиболее распространенных языков и государственных праздников и до истории страны за последние пятьдесят-сто лет. И правильно делали, кстати сказать. С такого рода информацией никогда точно не скажешь – может, не понадобится. А может, жизнь спасет.

«Жалко, что теперь со мной такие семинары проводить некому, – подумал Мангуст, выходя на трап. – Есть у работы в одиночку и недостатки, не только достоинства».

Андрей еще не дошел и до середины трапа, как от небольшого табунка крутых машин, пропущенных к самому самолету в обход правил, к нему направился высокий мужчина спортивного вида. На вид ему можно было дать лет пятьдесят, может быть, с небольшим хвостиком. Волосы черные, с заметной проседью, нос крупный, с горбинкой, скулы острые. В целом, он здорово напоминал индейца с советских иллюстраций к книгам Фенимора Купера. Вот только кожа совершенно белая, даже бледная. Бывать на ярком солнце ему явно не приходилось довольно давно. Цепкий взгляд, экономные движения, спокойное, уверенное выражение на лице. В том, что «индейца» интересует именно он, Мангуст не сомневался. Так смотрят, когда стараются опознать незнакомого человека, которого видели раньше только на фотографии. Интересно, кто это? Не сам же потенциальный наниматель в аэропорт примчался. Это, видимо, кто-то из его охраны, причем, судя по возрасту, далеко не из рядовых быков – они помоложе бывают. Интересно, обыскивать будут или хватит ума воздержаться? У Мангуста, кроме всех прочих, было и такое правило – если его охрана будущего клиента перед первой встречей обыскивает, то он поднимает цену на свои услуги на пятьдесят процентов. Как минимум.

На этот раз охрана оказалась понимающей, об обыске и речи не зашло.

– Игорь, – представился «индеец», протягивая Мангусту ладонь.

– А я Андрей, – ответил Турыгин, пожимая протянутую руку. – А лучше – Мангуст.

– Хорошая кличка. – Игорь улыбнулся краешками губ. Только краешками – не более. Глаза при этом у него оставались холодными. – За что дали, если не секрет?

– Кобру однажды убил.

Игорь ничего не сказал, но по его лицу скользнула едва заметная тень разочарования. Ясно было, что он подумал – невелик-де подвиг.

– Беда в том, что оружия под рукой не оказалось, – пояснил Андрей.

– Что, даже палки?

– Так уж получилось.

Глаза Игоря блеснули чуть ярче. Убить кобру голыми руками – это совсем другое дело. Есть чем гордиться.

Мангуст вполне мог бы продолжить. Рассказать, зачем ему понадобилось убивать змею и почему у него не оказалось даже палки. А дело было в том, что его таким образом казнить пытались. В одной из африканских стран его угораздило угодить в плен – причем не к тем, против кого они там работали, а к совершенно левым отморожкам. Хотя в Африке такой тип людей надо, наверное, как-то иначе называть, поскольку жарко. Отжарками, что ли? Нет, звучит плохо. Ну, в общем, какая разница, как называть. Суть в том, что его решили убить, но так, чтобы смерть не вызвала лишних подозрений. И просто-напросто закинули в комнату, где он сидел, разъяренную кобру. Но просчитались – не имели, видно, до тех пор дела с российскими спецназовцами. Когда змея бросилась, он сумел увернуться и долбануть ее костяшками пальцев по башке. А когда она шлепнулась на пол, оглушенная, каблуком раздавил ей голову. Мало того – трупом змеи он умудрился придушить того типа, который минут через десять появился – видимо, труп убрать. В общем, было что вспомнить. Но зачем без толку хвастаться? Если они с Игорем будут работать вместе, то в деле друг на друга посмотрят. А если нет, то тратить время на болтовню тем более бессмысленно.

– Ясно, – кивнул Игорь. – Бывает. Ладно, поехали. Шеф тебя ждет.

В машине, здоровенном черном джипе, на передних местах сидели два здоровых парня. Они были значительно моложе Игоря и явно являлись его подчиненными. Мангуст и Игорь сели на заднее сиденье, отгороженное от передних двух толстым стеклом – Мангуст был почти уверен, что оно пуленепробиваемое. Игорь нажал на какую-то кнопку на дверце и негромко сказал:

– Поехали.

Парни его услышали – видимо, нажатием кнопки включался микрофон, с помощью которого можно было разговаривать через стекло. Машина тронулась с места.

– Далеко ехать? – спросил Мангуст.

– Полчаса где-то. Шеф сейчас в конторе, велел тебя туда привезти.

Мангуст хотел было спросить, к кому же именно его везут – ведь о потенциальном нанимателе он пока ничего не знал. Но решил, что не стоит. Точнее сказать, решил, что лучше сначала поговорить с Игорем о нем самом – по тому, какой у человека телохранитель, можно многое сказать и о нем самом. Тем более что Игорь вызывал интерес. Это явно был не обычный офицер среднего звена в отставке – а именно такие обычно средние командные должности в частных охранных конторах и занимают. Но здесь был не тот случай. Как рыбак рыбака видит издалека, так видят и узнают друг друга матерые хищники. Именно такого Мангуст разглядел в своем спутнике. Тот еще волк – наверняка служил в каких-то серьезных войсках. Это выдавал его взгляд, движения, интонации – некоторые вещи въедаются в человека настолько крепко, что потом, даже если захочешь, не избавишься. И было еще одно – несмотря на то, что Игорь старался это скрыть, чувствовалось, что Мангуст ему неприятен. Впрочем, ничего странного – телохранители почти всегда бывают совершенно уверены в том, что и сами могут все что

удовно. Тем более, если у них за плечами серьезная контора и хорошая подготовка. Поэтому они и не любят, когда те, на кого они работают, обращаются к профессионалам со стороны.

– А ты кто при вашем шефе? – поинтересовался Мангуст, откидываясь на мягкую спинку сиденья. – Телохранитель?

– Можно и так сказать, – чуть усмехнулся Игорь. – Но не совсем. Начальник службы безопасности.

«Ого! – подумал Андрей. – У клиента, значит, своя служба безопасности есть. Интересно. Ну тогда тем более ясно, чем я Игорю не угодил. Наверняка уверен, что его люди прекрасно обошлись бы и без посторонней помощи. Интересно, что же все-таки за дело такое мне предложить собираются? Вряд ли что-то совсем банальное – с обычными проблемами эти парни, скорее всего, прекрасно справились бы и без меня».

– А в отставку в каких чинах вышел? – спросил Мангуст. – Хотя постой, сам угадаю. Майор. Или подполковник. Но скорее, майор. Верно?

– Верно, – усмехнулся Игорь. – Что, так заметно?

– Не без того, – улыбнулся Мангуст. – А вот из какой именно ты конторы, из каких войск – не угадаю, пожалуй. Может, сам скажешь?

На самом деле предположения у Андрея были, просто он не хотел их озвучивать – чтобы, с одной стороны, слишком умным не казаться, а с другой, разговор поддержать.

– Почему не сказать? – хмыкнул Игорь. – Не тайна. Из ГБ.

Он сделал секундную – не больше – паузу. А потом улыбнулся уже почти по-настоящему – широко и довольно дружелюбно.

– Надо же, ты даже не поморщился, – сказал он.

– А чего это я морщиться должен? – удивился Мангуст.

– Ну, ты-то сам явно армеец. А военных, особенно отставных, хлебом не корми, дай показать, как они чекистов не любят. Идиотизм. Согласен?

– Полностью, – кивнул Мангуст. – Не знаю, откуда эта дурацкая традиция взялась, но мне она никогда не нравилась. Хотя, может, дело в личном опыте? Сколько мне в жизни ни попадалось людей из вашей конторы – все... ну, почти все, были людьми дельными.

Игорь помолчал пару секунд, пристально глядя Мангусту в глаза.

– А ты ничего. Глядишь, и сработаемся.

– Если твой шеф со мной договорится, то сработаемся, куда денемся. Мне с кем только срабатываться не приходилось. Да и тебе тоже, я так думаю. Но еще не факт, что договоримся. Я – человек вольный.

– Завидую, – с усмешкой сказал Игорь.

– Чему?

– Тому, что вольный. Я вот – не очень.

Через полчаса, когда джип затормозил на стоянке возле трехэтажного кирпичного здания, Мангуст и Игорь были уже почти приятелями. Тот заметный холодок, который чувствовался сначала в поведении Игоря, почти сошел на нет.

– Вот здесь шеф и работает. Это наша главная контора, – сказал Игорь, кивнув на дом. Мангуст окинул строение оценивающим взглядом. По тому, где у человека офис, тоже можно многое о нем сказать. Что ж... Если полагаться на это впечатление, то следует признать, что потенциальный клиент человек очень серьезный. Здание большое и явно старинное. Три этажа, а высотой, как панельная пятиэтажка, да и район хороший – недалеко от центра, но тихо, спокойно и воздух для столицы вполне приличный. И видно – здесь не куча разных офисов, а одна контора. Какая-то эмблема над входом, но видно плохо, далековато.

– Кроме вас тут нет больше никого? – поинтересовался Мангуст на всякий случай, шагая вслед за Игорем к широкому крыльцу, украшенному по бокам каменными львами – причем явно не новоделами, а настоящими, старинными.

- Нет, – покачал головой Игорь. – Только мы.
- Недурное здание ваш шеф отхватил.
- Да уж.

На языке у Мангуста так и вертелись вопросы насчет того, кто же этот шеф такой и чем занимается. Но он все же сдержался. Сейчас и так все узнает. А расспрашивать охрану об их нанимателе – дурной тон.

Никакой охраны у входа в здание не было. Точнее – никакой заметной, видимой охраны. Но, как прекрасно понимал Андрей, это вовсе не означало, что охраны действительно нет. Это просто говорит, что ребята неплохо работают. Ага, а вот у второй двери что-то косяк толстоват. Не иначе там хитрые приборчики упрятаны – и не только примитивный металлоискатель, но и что-нибудь покруче. Сейчас ведь куча самых разных датчиков есть – определители взрывчатки, ядов, датчики, фиксирующие наличие наркотиков, радиоактивных веществ – чего только не увидишь в каталогах иных фирм. Правда, кому попало в руки эти каталоги не дают. Ну, он, Мангуст, вовсе не кто попало. Ага, а в этой маленькой комнатке, что-то типа прихожей, светильники по стенам грамотно расположены, чтобы полностью перекрыть все пространство. Камеры? Скорее всего. Хотя был в его практике случай, когда один тип, которого нужно было устранить, в стены кабинета три пулемета заделал, да так, чтобы вся комната простреливалась, кроме его рабочего стола. Но не помогло это мужику. Просто не успел нажать на нужную кнопку.

За второй дверью находился обширный вестибюль – несколько удобных кресел вдоль стен, квадратная полированная стойка, за которой находился высокий светловолосый парень в костюме и при галстукe, с другой стороны нечто типа бара, но явно не бар – эмблема «Блейзер» и пахнет только кофе, больше ничем.

Парень за стойкой приподнялся было им навстречу, но тут же, повинувшись кивку Игоря, вернулся на место. Никаких вопросов задавать никто и не попытался – ни кто он такой, ни откуда, ни зачем. Даже документов показать не попросили. Конечно, он был не один, а с сопровождающим, да еще каким, – но все равно. Мало ли, как могло сложиться – может, он его под прицелом держит через пиджак или дочку захватил в заложницы и оставил где-нибудь под присмотром сообщников. В общем, подобная ситуация – это или полное раздолбайство, или высший пилотаж. Что ж, здесь скорее второе, а не первое.

Они поднялись на третий этаж, прошли до конца широкого коридора. Несколько человек, попавшиеся им по дороге, дружелюбно, но слегка скованно улыбались и здоровались – классическая реакция на начальника. Впрочем, дружелюбия было больше, чем скованности.

Игорь миновал массивные двустворчатые двери. Мангуст шагнул за ним и оказался в приемной. Приемная как приемная – сколько он их уже перевидал. Правда, следует отметить, обставлена со вкусом. Даже у секретарши личико не очень глупое – а это уж вовсе редкость.

Игорь небрежным кивком поприветствовал секретаршу и вошел в расположенную у нее за спиной дверь. Мангуст чуть притормозил – ему показалось странным, что начальник службы безопасности хотя бы из чистой вежливости не попросил о себе доложить. Более того – секретарша приняла это как должное. Странно...

Игорь обернулся.

- Ну, чего встал? – спросил он. – Проходи!

Стоять на месте было глупо, Мангуст шагнул вперед.

- А ты ногой дверь к шефу открывать никогда не пробовал? – поинтересовался он.

– Нет, – покачал головой Игорь. – Никогда не испытывал желания двери ногами открывать, даже когда маленький был. Но если бы захотел, то не стал бы себе отказывать.

С этими слова он вежливо посторонился, пропуская Мангуста в кабинет.

Кабинет оказался пуст. В здоровенной, роскошно обставленной комнате не было ни души. За спиной хлопнула дверь. Игорь обошел Андрея и преспокойно уселся за стол – поскольку другого в кабинете не было, надо было полагать, что это место хозяина.

– Как это понимать? – спокойно поинтересовался Мангуст. – Ты меня что, к себе привел? А как же шеф?

– Я и есть шеф, – усмехнулся Игорь. – Я же и шеф, я же и начальник службы безопасности, так иногда бывает. Так что я тебе не соврал.

– А зачем такие сложности? – Не дожидаясь приглашения, Андрей опустился в кожаное кресло. Он привык вести себя с клиентами достаточно независимо. Не девку, чай, снимают. Как правило, он им нужен больше, чем они ему.

– Это не сложности. Просто захотелось с тобой познакомиться в более непринужденной обстановке, чем здесь, – Игорь широким жестом обвел кабинет.

– По мне так вполне нормальная обстановка, – улыбнулся Мангуст. – Ладно, может, теперь познакомимся по-настоящему?

Лицо Игоря стало серьезнее – едва уловимо, но для опытного глаза заметно. И еще – Мангуст понял – клиент нервничает. Он не в своей тарелке.

– Я – Игорь Михайлович Тимохин. Один из совладельцев компании... ну, если точнее, то группы компаний «СПО-Конвист». Слышал про такую?

Мангуст слышал. Не то чтобы очень много и часто – не Газпром все-таки и не Лукойл. Но и не фуфло какое, не «Вован и компания». Вполне серьезная фирма. Один из крупнейших производителей титана в мире, кроме него занимается добычей и переработкой магния, висмута и еще примерно десятка других полезных элементов, на которые русская земля богата. Кроме того, пару лет назад компания создала свой банк, который развивался пусть и не шибко бурно, но стабильно – успел даже размножиться делением, притом дважды, так что теперь у компании три банка. Прочим бизнесом тоже не брезгают – точно Мангуст не знал, так как не интересовался специально, но что-то вертелось в памяти, что не столь давно «Конвист» влез то ли в игровой бизнес, то ли в туристический – в общем, в какую-то область, крайне далекую от первоначальной сферы деятельности. В общем, ничего удивительного – так почти все делают.

А сидящий сейчас перед Мангутом человек входил в список ста самых богатых людей России по версии журнала «Форбс» за последние четыре года. Правда, был он куда ближе к концу этого списка, чем к его началу. Но, тем не менее, назвать его олигархом было вполне можно, безо всякой натяжки.

«Однако! – подумал Мангуст. – Занесло меня. Так высоко я еще, пожалуй, не летал».

Впрочем, он тут же отбросил эту мысль – в конце концов главное осталось без изменений. Это он понадобился Тимохину, а не наоборот. Послушаем, что он скажет дальше.

– Слышал, – сказал Андрей вслух. – Не так уж много, но слышал.

– Не так уж много?! – Тимохин приподнял брови.

– Ну, не считаете же вы свою компанию пупом Земли или России? – усмехнулся Мангуст. Нужно было сразу поставить клиента на место, чтобы не чувствовал себя купцом первой гильдии, снимающим на ночь смазливую певичку из варьете. Хрена лысого! С профессионалом дело имеет. Причем с таким, каких мало. Он в свое время в отряде был лучшим. А их отряд – лучшим во всем спецназе ГРУ. Это что-то да значит!

Как-то само собой получилось, что он перешел на «вы». Атмосфера изменилась – теперь имел место не обычный ленивый треп двух почти коллег, а разговор потенциального работника с нанимателем. И пусть работник себя ценит весьма высоко и лебезить не собирается, но дистанцию все же следует соблюдать.

– Кроме вас много других – не менее крупных и серьезных, – продолжал Андрей. – Да и покруче есть – и не один десяток. Или я не прав?

Тимохин неожиданно улыбнулся и кивнул – словно что-то для себя решил.

– Я тоже про вас кое-что слышал. Тоже не так уж много, но, с другой стороны, вполне достаточно. Кроме всего прочего, я узнал, что характер у вас весьма независимый. Да, пожалуй, так и есть.

Мангуст только молча развел руками – мол, каков есть, таков и есть, не нравится – не ешьте, господин хороший.

– Это даже хорошо, – продолжил Тимохин. – Мне и нужен человек с головой и с характером, а не обычная пешка. Пешек у меня и так хватает.

– И для чего же я вам понадобился? – спросил Андрей.

– Сейчас объясню, не так быстро.

Тимохин нажал какую-то клавишу на селекторе и негромко сказал:

– Света, меня час нет ни для кого, кроме Ростовцева.

И, не дожидаясь ответа, нажал клавишу еще раз. А потом резко поднял голову, посмотрел Андрею в глаза.

– Для начала я хотел бы сообщить вам размер предлагаемого гонорара, – и молча протянул Мангусту белый лист бумаги. На нем было написано всего одно число. И это число производило сильное впечатление. Настолько сильное, что Мангуст позволил себе один уточняющий вопрос:

– Доллары?

Не то чтобы он думал, что ему предлагают оплату в рублях, но уж слишком велика сумма.

– Разумеется, нет! – отозвался Тимохин. – Евро. Терпеть не могу американских денег – как и самих американцев. Хорошо, что теперь их деньгам есть приличная замена.

Мангуст изо всех сил старался удержать на лице спокойное выражение. И без того более чем солидная сумма выросла еще в полтора раза. Пожалуй... Да, точно, за все пять лет, истекшие с увольнения из армии, он заработал только самую малость побольше. За пять лет! А ведь он не ларьки охранял.

– Так что вы скажете? – спросил Тимохин. Несмотря на усилия Андрея, он явно заметил произведенное впечатление и был доволен, как кот, придушивший жирную мышь.

– Я?! – с показным удивлением переспросил Мангуст. – Простите, мне нужно знать, что скажете вы. Что именно я должен буду сделать за эту сумму?

– А что, есть разница? – надменно поинтересовался Тимохин.

– Еще какая. – Улыбка Мангуста стала жесткой, больше похожей на оскал. – Вы, господин Тимохин, не шлюху снимаете, которая вам за бабки что угодно сделает. Если вы навели обо мне справки, то должны знать – у меня есть определенные принципы. За дела некоторого рода я не берусь никогда. Так что если ваше задание окажется именно такого рода, то можете хоть вдвое больше обещать – я не соглашусь.

– А если впятеро больше? – с интересом спросил Тимохин. – Вы же знаете, у меня есть такая возможность.

– Все равно, – отозвался Мангуст, спокойно, но твердо. – Знаете ли, Игорь Михайлович, я уже давно понял, что всех денег в мире не заработаешь. А потребности у меня не такие уж и большие, мне и того, что есть, хватает.

– Так зачем вы вообще работаете?

– Я не говорю, что меня вообще не интересуют деньги. Просто мне не нужны деньги слишком грязные, – слово «слишком» Мангуст выделил голосом.

– А какие именно деньги для вас слишком грязные? – спросил Тимохин. Теперь в его голосе звучал искренний интерес. – За какие дела вы не беретесь? Это не секрет, надеюсь?

– Нет, – покачал головой Мангуст. – Все просто и ясно. Я не берусь убивать невинных людей. То есть тех, кто ни в чем не замешан, ни к чему не причастен.

– Таких людей обычно никому и не надо убивать, – пожал плечами Тимохин.

– Всякое бывает. Иногда именно такие становятся, например, неудобными свидетелями. Или еще что-нибудь в этом роде.

– Ясно. Какие у вас еще правила?

– Не связываюсь с торговлей наркотиками и людьми.

– А оружием?

– Это – сколько угодно. И последнее – я не работаю против России как государства.

– А это как понять?

– Очень просто. Если вам, скажем, нужно помочь против какого-нибудь конкурента – я в принципе могу это сделать. Но если бы ко мне обратилась иностранная фирма, я бы послал ее по известному адресу. Я, знаете ли, люблю свою родину. Какая-никакая, а моя, другой не будет.

Пару секунд Тимохин молча сидел за столом, уперевшись руками в подбородок. А потом так же молча встал, обогнул стол, подошел к Мангусту и протянул ему руку.

Мангуст с легким недоумением пожал ее.

– Просто удивительно, – чуть хриплым голосом сказал Тимохин, – остались еще в стране приличные люди, не все скурвились.

Он вернулся на свое место.

– В общем, ни один из ваших принципов при работе на меня не пострадает, – заявил он.

– Очень хорошо, – кивнул Мангуст. – И все-таки, нельзя ли уже перейти к конкретике?

В чем конкретно работа будет заключаться?

– Вот в чем. Слушай. Короче говоря, я получил наследство.

Сказав это, Тимохин замолчал.

– Поздравляю, – с легкой иронией в голосе сказал Мангуст. – Хотя и подозреваю, что по сравнению с вашими капиталами любое наследство выглядит просто смешно.

– А вот тут-то ты и не прав! – заявил Тимохин, снова неожиданно скидывая опущенную голову. Видимо, у него привычка такая была. – В том-то все и дело, что не пустяки! Общая стоимость наследства всего на двадцать процентов меньше цены моей доли в компании.

Мангуст невольно присвистнул. Это ни фига ж себе! Это же получается счет не на миллионы, даже не на десятки миллионов баксов – на сотни.

– Вы что, внебрачный сын английской королевы, что ли? – спросил Мангуст, немного придя в себя.

– Нет. Не английской королевы и не внебрачный сын, – отозвался Тимохин. – Всего лишь родственник одного недавно умершего латиноамериканского плантатора. Или как это у них там называется-то? В общем, помещика по сути. Причем родственник довольно дальний. Но более близких не оказалось, вот ведь в чем дело. Прямо как в известной песне – богатый родственник за границей, о котором я даже и не знал.

– Не понимаю, – сказал Мангуст. – То есть как не знали? И вообще, откуда у вас родственник в Латинской Америке? Вы же, насколько я понимаю, русский.

– Чистокровный, – кивнул Тимохин. – Причем из глубинки, с Урала. Но вот так уж получилось. Понимаешь ли, оказывается, у моего прадеда было не два брата, а три. И третий, тот, про которого я не знал, воевал в Гражданскую не за красных, а за белых. Поэтому, кстати, я про него и не знал – в советские времена такого родственника лишний раз вспоминать было не слишком умно, сам понимаешь. Так вот, оказывается, он не погиб, а эмигрировал. И докатился до Бразилии. А он был дворянин, кадровый офицер с опытом Русско-японской и Первой мировой. В общем, в армии у латиносов такой человек оказался очень даже нужен. Он там участвовал в какой-то их войне, даже не в одной, если не ошибаюсь. Отличился, вышел в большие чины, потом еще женился удачно, землю получил – часть в награду за боевые подвиги, а часть в приданое. Невеста была, я так понимаю, из хорошей семьи. Потом он еще в их политических играх участие принимал и тоже успешно. В общем, стал на новой родине большим человеком.

Мангуст слушал Тимохина со все растущим удивлением – прямо мексиканский сериал какой-то! Невероятно! Хотя, с другой стороны... Не так уж и невероятно, если подумать. В те годы из России люди эмигрировали миллионами. Почему кому-то из них не могло повезти? Тем более, что эмигрировали далеко не самые бестолковые – дворяне, офицеры, ученые, чиновники. Не только они, конечно, но таких было много. Правда, не совсем понятно было, для чего Тимохин ему все это рассказывает. Хотя... Может быть, и понятно. Кое-что уже вырисовывается. То-то его генерал про испанский спрашивал!

– Так вы, значит, из дворян? – спросил Мангуст вслух.

– Получается, что да, – ответил Тимохин с какой-то странной улыбкой на лице – наполовину гордой, наполовину иронической. – Как узнал про этого родственника, поехал к деду, стал его трясти. Он и раскололся. Говорит, в советские времена молчал, не хотел себе и отцу моему карьере портить. А потом уж поздно стало. Но все точно. Он мне даже фотографию показал дореволюционную всего их семейства. Четыре брата, все офицеры, и их отец, полковник в отставке. Смотреть приятно. Ладно, это неважно. Короче говоря, слушай, как я про все это узнал. Ко мне приехал человек из Америки. Помощник какого-то тамошнего нотариуса из солидной конторы. Не позвонили, не написали – именно человека прислали. Умеют дела вести, буржуи, ничего не скажешь. Так вот, этот человек, Родригес, мне и рассказал про родственников. Оказывается, у моего прадеда были сын и дочь. Мигель и Анхелита. А у Мигеля – свой сын, причем единственный, который мне, получается, двоюродным дядей приходится. Или троюродным? В общем, не разбираюсь я в таких тонкостях, да и неважно это. Родственник, одним словом. Звали его Пабло. Пабло Тимольяррес. Так вот, отец его давно умер, еще году в шестидесятом. А сам Пабло дотянул до нашего времени. Меньше недели назад умер, было ему под восемьдесят. И умер бездетным. А в завещании указал, что наследником назначает ближайшего родственника из России. Уж не знаю, почему. Хотя, с другой стороны, там у него особо близких родичей не было, не считая тетки. А у них отношения мало ли какие были. Да и вообще, каких только причуд с завещаниями у буржуев не бывает. Собакам и кошкам миллионные состояния, во всяком случае, завещали. И не один раз. А с выполнением последней воли покойного у них там строго. Вот и послал его душеприказчик ко мне этого Родригеса, он мне это и рассказал. Я, кстати сказать, не сразу поверил. Думал, мало ли, может, обман какой. Но нет, сейчас все уже проверено на семь кругов. Все точно. Я уже и заверенную копию завещания видел, и фотокопию оригинала, и с самим нотариусом по телефону говорил. Да и по кое-каким своим каналам информацию проверил. Все правда, никакого обмана.

Тимохин снова сделал небольшую паузу.

– Все это хорошо, – осторожно сказал Мангуст, видя, что от него ожидают какой-то реакции. – Но зачем вам я понадобился? Езжайте себе и получайте свое наследство.

Тимохин желчно усмехнулся.

– Все не так просто. Это же не загородный домик с садом и не магазин какой. Это даже не счет в банке, вернее, не только счет. Большая часть наследства – земля. Она же у них там частная собственность. Вот и у родственничка моего была куча плантаций, общей площадью примерно с Францию!

– С Францию?! – с легким недоверием в голосе переспросил Мангуст.

– Ну, не с Францию, конечно, это я лишку загнул. Но с Швейцарию какую-нибудь или с Голландию – это точно. И это ведь не просто земля – там и каучуковые плантации, и сахарные, и банановые, и еще хрен знает какие. Годовой доход – семизначное число. И это только земля. А еще у него было несколько заводов, в том числе судоремонтный. И еще бизнес в столице – магазины, еще что-то, точно уже не помню. И плюс к тому куча акций самых разных местных фирм. В том числе и очень солидных. А пакеты акций крупные. В общем, это не просто лакомый кусок. Это уже как-то по-другому называется. Понимаешь, вся эта собственность – она была их, – Тимохин сделал сильное ударение на последнее слово. – Местная, так сказать. Все

это было в их системе обращения, не уходило далеко. И тут – нате вам. Уходит в руки какому-то русскому, которого никто из местных не то что в глаза не видел, а даже и не представлял, что такой вообще на свете есть. Как ты думаешь, при таком раскладе на меня никто из тамошних деловых людей не обидится?

Мангуст промолчал – ответ был слишком очевиден.

– А ведь кое-какие родственники у него там были, – продолжал Тимохин. – Сестра его отца, Анхелита, вышла замуж, у нее, как я понял, целый выводок детей. И там как раз семья не из самых богатых. Представляешь, насколько они разочарованы? – На этот раз Тимохин сделал ударение на слове «насколько». Что ж, в самом деле, чувства, обуревающие людьми, мимо которых прошел такой кусок, даже представить себе трудно. А ведь это темпераментные латиноамериканцы.

– То есть, проще говоря, вам нужен телохранитель, – медленно проговорил Мангуст. – Извините, но...

Он хотел честно объяснить, что работа телохранителем – совершенно не его профиль. Но Тимохин решительно перебил его.

– Нет! Еще чего! Телохранителей у меня и без тебя хватает. И, поверь, вполне профессиональных. Я в бизнес не из комсомола попал, а из КГБ, разбираюсь кое в чем. Мне нужен... Как бы это сказать точнее... Вот так, пожалуй, – боевик широкого профиля. То есть тот, кто может и атаковать, и защищаться, и наладить охрану, и организовать похищение, и устранить кого-то, если надо, а если надо, то и наоборот, освободить. В общем, человек, который умеет делать все, связанное с силовыми действиями. И не просто умеет, а делает это на высшем уровне. Именно так мне тебя и отрекомендовал... Ну ты понял, кто.

Мангуст кивнул. Все было ясно. Видимо, Тимохин вышел на генерала по старым связям, тем, которые остались со времен службы в госбезопасности. И попросил навести на подходящего специалиста. Что Столетов и сделал. Что ж, ничего не скажешь, он нашел подходящую кандидатуру.

– В чем конкретно будут состоять мои обязанности? – спросил Мангуст.

– Я, кажется, объяснил! Не знаю, в чем! В том-то и проблема. Зависит от того, как дела пойдут. Может статься, что вообще ни в чем. Никаких проблем не будет, и придется тебе просто поскучать пару неделек. Но на такое я не очень рассчитывал бы. Вкусный кусок даже у котенка отнимать опасно – оцарапает. А мы не с котятками дело иметь будем. А ведь есть еще и такой нюанс – вряд ли местные власти будут в восторге от того, что такое имущество отходит совершенно постороннему для них человеку. Нет, я заранее предчувствую, драчка будет серьезная. Но вот что конкретно случится, а значит, и что конкретно делать надо будет – не знаю. Не умею я будущее предсказывать. Но могу сказать одно. Поскольку я – совершенно законный наследник, то все те, кто будет пытаться мне помешать, – люди сволочные и нечестные. Значит, работать против них твои принципы позволяют. Правильно?

Мангуст кивнул. В таких условиях никакие угрызения совести ему, в самом деле, не грозили.

– К тому же России это тоже пойдет исключительно на пользу, – продолжил Тимохин. – Я, как-никак, российский гражданин. И то, что на пользу мне, то на пользу и России.

С этим утверждением, конечно, можно было поспорить. Но Мангуст делать этого не стал. Ведь не у соотечественников клиент оттягать вкусный кусок хочет. Да и основания к тому же вполне законные – не подкапывайся. В конце концов свою собственность владелец может завещать кому угодно, это вполне справедливо.

– А вы уверены, что все будет настолько серьезно? – спросил Мангуст. – Может быть, вам нужен будет не профессиональный боевик, а десяток хороших юристов? Лишить вас права на наследство наверняка можно попытаться какими-нибудь законными способами.

– А с чего ты взял, что я юристов не беру? Не наших, конечно, не российских, от них там толку будет немного. Но пара человек из серьезных международных юридических корпораций со мной будет. Да и кое с кем из местных я уже договорился – с начальником того же Родригеса, к примеру. Он по долгу службы должен стоять за мои интересы, поскольку такова воля умершего. А этот нотариус к работе относится очень серьезно, насколько я понял. Это тебе не кто-нибудь из наших пройдох, которые законы выучили, а психология осталась на пещерном уровне – лишь бы кусок побольше ухватить, а больше можно и не думать ни о чем. Но проблема в том, что как раз с юридической точки зрения все безупречно. Подкопаться трудно, почти невозможно. Так что наверняка будут какие-то незаконные варианты. Здесь ведь что самое неприятное, – Тимохин тяжело вздохнул, – то, что это здесь я фигура. Есть связи, есть знакомства, есть друзья. В общем, целая система взаимоотношений, так просто не тронешь. А там... Там я иностранец, пусть и богатый. Многие вещи за деньги не купишь.

– Это в деловом-то мире? – ехидно спросил Мангуст. Но Тимохин этого тона не принял.

– Да. Именно в нем. В нем особенно. Поверь мне – любовь проще купить, чем кое-какие связи, кое-какие прямые телефонные номера, кое-каких знакомых. Здесь у меня все это есть. А там... Там все это будет как раз на стороне противника. Они местные, а я пришелец, хоть и со всеми правами.

– Так стоит ли вообще связываться? – спросил Мангуст. – Если все так плохо...

– Вообще-то я твоего совета не спрашивал. – Взгляд бизнесмена стал колючим, жестким. Но только на мгновение, тут же снова смягчился. – Но я отвечу. Понимаешь, на такие возможности нельзя просто взять и рукой махнуть. Я себя уважать перестану просто, если так поступлю. За свое нужно драться. А если драться нелегко... Что ж, все равно нужно драться. И тем хуже противнику. Тем более что шансы у меня есть, и неплохие. Если бы я был простым, средним российским гражданином, то шансов не было бы. Но я не простой! Чего-то да стою, раз в это кресло сесть сумел! – Тимохин шумно хлопнул обеими ладонями по подлокотникам. – Поборемся!

Мангуст молча кивнул – такая философия, может, и не была самой передовой, но уважение вызывала.

– В общем, согласен ты ехать туда со мной и работать на меня? – спросил Тимохин, глядя Мангусту в глаза.

– На какое время? – спросил Андрей.

– Первоначально ориентируйся на три недели. Если за это время не справимся – тогда контракт продолжается, и ты получаешь за следующие три недели еще такую же сумму.

«Ого! – мысленно воскликнул Мангуст. – Хотя по сравнению с тем, что получит он, это просто мелочишка».

– Согласен, – сказал он негромко. – Но прошу вас помнить о моих принципах. Валить посторонних не стану.

– Никто и не попросит. – В глазах Тимохина ясно читалась радость. – Отлично! Значит, договорились. Кстати, мне генерал сказал, что ты по-испански хорошо говоришь.

– Грех себя хвалить, но да, – ответил Мангуст. – Даже не просто хорошо, а почти идеально.

– Совсем здорово! Заодно, в случае необходимости, переводчиком будешь.

– Не стоит. Пусть лучше окружающие как можно позже узнают о том, что я языком владею.

– Думаешь? – нахмурил лоб Тимохин. – Хм... Да, ты прав.

Он даже не спросил, зачем – приятно все-таки иметь дело с профессионалом, даже с таким, который ушел со службы много лет назад. Все равно – заложенная ГБ или армией основа остается, никуда от нее не денешься. А трюк был простой, даже примитивный, но от этого не менее действенный. Местные жители в присутствии не афиширующего свое знание языка

иностранца вполне могут сказать что-то полезное, чего иначе бы ни за что не сказали. Такие случаи на памяти Мангуста бывали – и не так уж мало.

– Там, возможно, будет необходимость прогуляться по джунглям, – сказал Тимохин. – Это тебя не пугает?

– Не очень, – ответил Мангуст. – Курсы выживания проходил, в том числе и для тех мест. А зачем в джунгли соваться? Я так понял, что все дела будут вертеться в местах более-менее обитаемых. Или не так?

– Так. Но есть одна загвоздка. Там в завещании есть какой-то особый пункт, мне про него Родригес толком ничего не рассказал – сам не знает. Но вроде бы там нужно будет что-то из джунглей доставать. Точнее скажет его шеф на месте.

– Понятно, – сказал Мангуст. – На месте так на месте. Но вот еще что – хотелось бы все-таки побольше узнать про страну. Я в Америке уже давно не был. Кое-какие старые знания есть, но их может оказаться мало.

– Подробнее – сегодня вечером, – заявил Тимохин. – Я уже договорился с несколькими хорошими специалистами... Да не морщись ты! Не с учеными, а с настоящими специалистами, нашими!

Андрей и правда слегка поморщился, услышав про специалистов. Он прекрасно знал, что от всяких географов, этнографов и политологов толку обычно бывает крайне мало. Они могут рассказать про форму правления, численность населения, основные сельхозкультуры, национальности, денежные единицы. В общем, много про что. Но вот, например, как отличить приличный кабак от опасного, как правильно обратиться к полицейскому, сколько стоит еда в кафе, а сколько проститутка, и как отличить последнюю от приличной девушки – всех этих совершенно необходимых мелочей от них не дождешься. И именно это хорошо знают армейские спецлиторы – или их коллеги, работающие на другие, не менее серьезные ведомства. Хорошо, что Тимохин, бывший чекист, это понимает. Интересно только, где он соответствующих людей нашел? Видимо, опять старые связи напрог. Те самые, о которых он тут сейчас соловьем разливался.

– Это хорошо, – кивнул Мангуст. – А когда вылетаем?

– Послезавтра утром. За сегодня и завтра я тебя познакомлю с остальными участниками нашего рейса. Ну и еще кое-какие вопросы решу. Так... А сейчас я вызову человека, он тебя отведет в нашу комнату для гостей. Когда придет лектор, тебя позовут. Есть, пить, курить – все к тому, кто тебя поведет. Да, и еще – подумай, какая тебе экипировка нужна. Я могу достать что угодно, причем быстро, так что не стесняйся.

– Ясно.

Тимохин снова нажал кнопку на селекторе.

– Света, Степана ко мне.

– Еще один вопрос, – сказал Мангуст, когда Тимохин выключил селектор.

– Что за вопрос?

– Как насчет денег?

– Уже на твоём счету.

– Да ну? – приподнял брови Мангуст. – А откуда... – Он не стал договаривать. В самом деле, спрашивать, откуда Тимохин узнал его счет, было глупо. Невелика тайна. Это снять с него деньги трудно, а положить – другое дело. Вместо этого он задал другой вопрос:

– Ты был настолько уверен, что я соглашусь? – на этот раз он умышленно назвал собеседника на «ты».

– Не я, – с легкой усмешкой ответил Тимохин. – В этом был уверен генерал. А он на моей памяти еще ни разу не ошибался.

Мангуст промолчал. Просто потому, что на это нечего было ответить. На его памяти такого тоже не случалось.

Глава 3

– На снижение идем, – ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Степан.

Эти слова остались без ответа – все и так понимали, что самолет снижается, садится. Долгий путь через океан был почти закончен. Впрочем, снижение, скорее всего, будет довольно долгим – пилот шел по пологой траектории. Они летели в «Фальконе» – маленьком, но надежном самолетике, рассчитанном на двенадцать человек. Самолет был частным, принадлежал лично Игорю Михайловичу Тимохину – как он мимоходом обронил, друзья на пятидесятилетие подарили.

Удобные кожаные кресла располагались четверками вокруг столиков. Пустовало только одно – летело одиннадцать человек, не считая экипажа. За первым из столиков сидели сам Тимохин, Мангуст, Степан – заместитель Тимохина по безопасности, и Родригес, представитель американской нотариальной конторы, которой покойный Пабло Тимольяррес доверил проследить за исполнением своей последней воли. Это был высокий, нескладный парень в очках, чем-то похожий на кузнечика. Он Мангусту сразу понравился – видно было, что свое дело знает и относится к нему добросовестно, а в чужие не лезет. Редкое сочетание. Вот от Степана впечатления были куда сложнее. Он тоже был выходцем из КГБ. И, в отличие от своего шефа, явно считал, что можно было бы и без Мангуста прекрасно обойтись. Вышколен он был на совесть, ни малейших признаков неприязни явно не демонстрировал. Но все равно отношение чувствовалось – будь Степан котом, у него сейчас наверняка подергивался бы кончик хвоста.

За вторым столиком сидели четыре очень похожих друг на друга парня – подчиненные Степана. По заверениям Тимохина, дело свое они знали отлично. Пожалуй, в это можно было поверить, вряд ли один из ста самых богатых людей в России станет держать у себя дилетантов. Тем более, если сам когда-то служил в КГБ, а значит, понимает, насколько важно обеспечение безопасности.

За третьим столиком был еще один охранник. А напротив него долговязый тип по имени Влад, исполнявший обязанности переводчика. И девушка Света. Высокая блондинка с идеальной фигурой – хоть сейчас на обложку журнала. Звали ее Света Тимохина, и была она дочерью владельца самолета. На нее Мангуст посматривал крайне неодобрительно. О том, что она полетит в Америку вместе с отцом, он узнал только за пару минут до отправления, когда она подошла к самолету. Не было даже возможности спросить Тимохина, с какой стати он решил прихватить дочку с собой. А судя по тем нескольким часам, которые Мангуст имел удовольствие провести с ней в небольшом салоне, он успел убедиться – проблем с этой девицей будет море. Избалованная, капризная и, похоже, не слишком умная. Хорошо еще, что в основном связанные с девушкой проблемы лягут не на него, а на Степана. Сейчас Света наконец заснула – перестала дергаться под звучащую у нее в наушниках музыку и подпевать, а также колотить по клавишам ноутбука. Жаль, что произошло это счастливое событие только в самом конце перелета – постоянный стук клавиш раздражал.

– Вы уверены, что это было разумно – взять ее с собой? – вполголоса спросил Мангуст у Тимохина, кивнув на девушку. Та ничего не слышала, спала.

– Уверен, – с тяжелым вздохом отозвался бизнесмен. – Понимаю, что у нас с ней будут трудности. Но лучше уж так, чем она без присмотра в России останется.

– А в чем проблема? – удивленно спросил Андрей. – Она же взрослая уже.

– Даже слишком, – поморщился Тимохин. И Степан словно зеркало повторил гримасу шефа. – Ее ни на секунду нельзя одну оставлять. Раз пять я уже ее от крупных неприятностей спасал. Один раз – в самый последний момент. А последнее время она еще и наркоту взялась пробовать. Хорошо, Степины ребята быстро просекли и доложили, я принял меры, она не

успела подсесть. Но оставлять ее одну сейчас нельзя – а то к моему возвращению будет уже наркоманкой.

– А если не секрет, какие меры вы приняли, чтобы ее остановить? – поинтересовался Мангуст. – Я всегда думал, что для богатых это почти неразрешимая проблема, когда ребенок начинает наркотиками баловаться.

– Для кого, может, и неразрешимая, – довольно зло усмехнулся Тимохин, – а мы со Степой – разрешили.

– И как же?

Степан вопросительно посмотрел на шефа. Тот кивнул.

– Расскажи, Степа. Это не тот человек, чтобы возмущаться и ужасаться.

– Все просто, – густым басом сказал Степан. – Мои ребята узнали, кто ей дурь поставляет. И утопили его в сортире того самого ночного клуба, где он этим делом занимался. Прямо в унитазе.

– Во как... – удивленно сказал Мангуст. Впрочем, без малейших следов неодобрения – по его мнению, примерно так с наркодилерами поступать и следовало.

– Ну да. Правда, с первого раза нас не поняли. На следующий день там уже другой парень тем же заниматься стал.

– И что?

– Будешь смеяться. Мы и его в том же самом унитазе утопили. Правда, на этот раз все прошло не так гладко, шефу пришлось с ментами рулить, кого-то из наших там видели, кого-то опознали. Но шеф разрулил.

– Я просто позвонил одному знакомому и честно рассказал, в чем дело, – объяснил Тимохин. – И он меня понял. После этого дело на тормозах и спустили.

– Больше там торговцы наркотой не появлялись? – спросил Андрей.

– Нет. Уже почти полгода там ничем таким не торгуют, – кивнул Степан.

Тем временем самолет уже снизился метров до пятисот. Неожиданно в кармане Родригеса запищал телефон. Он поднял голову от каких-то бумажек, вытащил трубку, не сказав ни слова, внимательно слушал пару минут, потом, по-прежнему не сказав ни слова, трубку спрятал.

Тимохин жестом подозвал переводчика.

– Спроси его, что там?

Оказалось – ничего особенного. Родригесу просто сообщили, что его начальник готов принять своего клиента из России в любое удобное для него время. Или сам приехать к нему в гости.

– Лучше я к нему, – сказал Тимохин. – А то мне его и звать некуда, не в гостинице же его встречать.

– Вы можете принять его в вашем городском особняке, – через переводчика сообщил ему Родригес.

– В каком еще особняке? – недоуменно поднял брови Тимохин.

Спустя пару минут выяснилось следующее. У покойного Пабло Тимольярреса, кроме плантаций и заводов, была и недвижимость в городах, в том числе и в столице. И в данный момент Тимохин, хоть и не введенный еще в наследство официально, вполне мог этой недвижимостью пользоваться. Разумеется, в определенных пределах – например, продавать ее ему никто, конечно, не позволил бы. Но принять в доме гостя он имел полное право – во всяком случае, препятствовать никто бы ему в этом не стал. Просто некому было. Тем более, если этот гость – душеприказчик покойного.

Узнав все это, Тимохин задумался. Впрочем, совсем ненадолго.

– А, в конце концов. Нужно же мне пока где-то жить. И вообще, покажу всем сразу, что я законный наследник. Передавай своему шефу, пусть приезжает в особняк. Да, и еще. Раз

я уже могу пользоваться завещанным имуществом, распорядись, пусть какую-нибудь машину вышлют нас встречать. Не такси же брать в аэропорту, несолидно как-то.

Влад перевел. Родригес объяснил, что распоряжения насчет встречи уже давно отданы. Потом снова связался с шефом и передал ему что велено.

А самолет был уже всего метрах в ста над землей. Он шел над пригородами – над беспорядочно разбросанными по земле квадратиками и прямоугольниками полей, над лесом. С высоты птичьего полета пейзаж практически не отличался от российского – во всяком случае, для неопытного глаза.

Аэропорт Серра-эль-Лако прилегал буквально вплотную к городу. Всего в какой-то сотне метров от взлетно-посадочных полос располагались крайние улицы. Разумеется, здесь селились только те, кому было больше некуда деваться. То есть бедняки, самый низ социальной лестницы. Взглянув со стороны аэропорта на город, вполне можно было подумать, что не на самолете путешествовал, а на машине времени – настолько увиденное мало соответствовало привычным реалиям двадцать первого века. Да что там двадцать первого – хотя бы даже и двадцатого. Немощенные улочки с не пересыхающими даже в самую сильную жару речками нечистот по краям, люди, одетые совершенно так же, как одевались здесь двести лет назад, а большая часть детей младшего возраста и вовсе голые. Впрочем, присмотревшись, можно было узнать в грязных шортах остатки джинсов, а в не менее грязной шапочке – бейсболку с оторванным козырьком. И так далее. В общем, при взгляде на это русский человек чувствовал, что его родина все-таки почти европейская страна. Впрочем, одна дисгармонирующая с общей бедностью и убогостью и напоминавшая о двадцать первом веке черта здесь была. Практически над каждой из невообразимых лачуг, жить в одной из которых и российский бомж постыдился бы, пожалуй, торчала спутниковая антенна-тарелка.

– Кошмар какой! – выдохнула Света, остановившись на трапе «Фалькона» и уставившись на открывшийся ей городской пейзаж. – Как они здесь живут? Я бы удавилась на второй день!

– Не удавилась бы, – жестко сказал ей отец, слегка подтолкнув в спину. – Честно сказать, я родился в дыре ничуть не лучше. Первые восемнадцать лет в ней прожил. И ничего, не удавился. В некоторых отношениях это были далеко не худшие годы в моей жизни.

– Да ну тебя, папа, – отмахнулась девушка, двинувшись вниз по ступенькам. – Скажешь тоже... Интересно только, откуда у них над каждой хатой по тарелке?

– Это для них жизненно необходимая вещь, – пояснил Мангуст. Он знал об этой стране и ее ближайших соседях немало – и с прошлых визитов, и после недавнего randevu с найденным Тимохиным лектором. – Тут же грамотный человек – один на сотню. Газет и книг они читать не могут. Так что телевизор для них единственная возможность узнать что-то о том, что в мире творится.

– Грамотный один на сотню?! – с ужасом и отвращением, словно увидев какое-то отвратительное насекомое, переспросила Света. – Как же они живут? Как работают?

– А вот так и живут, так и работают. Одна из твоих прабабок по матери, кстати сказать, читать в шестьдесят лет научилась, – сказал Тимохин. – Про остальных точно не скажу, но Анна Семеновна – точно, она сама мне об этом рассказывала. Так что особенно не задирай нос.

Но этот аргумент на девушку никакого впечатления не произвел.

– Ну и кошмар... – протянула она еще раз. Они уже стояли на земле рядом с самолетом, лачуги прикрыл бетонный забор, огораживающий территорию аэродрома. Но, видимо, уже полученных впечатлений Свете хватило. – Папа, не понимаю, зачем тебе собственность в этой стране?! Это же просто царство обезьян какое-то!

На этот раз до ответа Тимохин не снизошел. Ему было немного стыдно за дочку – перед Мангустом, Степаном и собственной охраной. Вообще-то такие чувства для людей богатых не слишком типичны, но, видимо, сказывалось прошлое – молодость в мелком уральском горо-

дишке, служба в КГБ, да и вообще склад ума – как уже успел убедиться Мангуст, Тимохин был весьма неглуп.

Тем временем от стоявших метрах в двадцати машин к ним направился полный, крепко сбитый мужчина в белых брюках и рубашке. Русские уже знали, кто это, Родригес объяснил, что встречать их будет Энрике Ферарте – что-то вроде управляющего всеми делами покойного Пабло в этом городе. По словам Родригеса выходило, что Энрике должен повиноваться Тимохину. Не по закону, а просто по логике вещей. Ведь наследником Тимохин был вполне законным, так что все, кто служил его предшественнику, были заинтересованы в том, чтобы наладить с ним хорошие отношения – хотя бы для того, чтобы не потерять свои места, к которым наверняка уже привыкли.

– Здравствуйте, господа, – сказал Энрике по-русски. Причем вполне чисто и правильно – акцент у него был, но совсем небольшой. – Кто из вас господин Игорь Михайлович Тимохин?

– Я. – Тимохин шагнул вперед. – Вы, как я понимаю, Энрике Ферарте.

– Да. Господин Тимохин, прошу вас, – Энрике широким жестом указал на машины.

– Куда едем? – спросил Тимохин. – В мой дом. – Он подчеркнул голосом слово «мой».

– Да, господин Тимохин.

Все расселись по машинам. Тимохин, Степан, Мангуст и Родригес уселись в здоровенный белый джип – правда, далеко не последней модели. Шофером у них был Энрике. В двух других машинах шоферами были крепкие, смуглые парни, одетые примерно так же, как Энрике. Правда, в отличие от него, на поясах под рубашками у них просматривались «пушки», причем довольно серьезного калибра. Мангуст, заметив это, слегка поморщился. Да, все-таки некоторые вещи с течением времени не меняются, особенно это касается национальных традиций. Как считалось в Латинской Америке, что использовать для ношения оружия кобуру – не мужское дело, так, судя по всему, и до сих пор считается.

Путь по городу занял всего минут десять. Местная традиция плевать на правила дорожного движения тоже сохранилась в полном объеме. Правда, видимо, вместо писанных правил здесь существовали какие-то иные, не в пример более уважаемые – если бы не это, они обязательно угодили бы в аварию – ситуации, когда она казалась неизбежной, возникали минимум трижды. Но местные водители прекрасно понимали друг друга и умудрялись хоть и в считанных сантиметрах, но разехаться. Правда, один из таких случаев показался Мангусту особенно подозрительным. Это когда очередной древний грузовик чуть не впоролся в джип – если бы не отличная реакция Энрике, он угодил бы как раз в середину машины. Отличало этот случай от остальных то, что прежде Энрике, сидевший за рулем, сохранял олимпийское спокойствие. А на этот раз мгновенно побледнел и сквозь зубы прошипел несколько таких слов, услышав которые в свой адрес настоящий мужчина в этой стране должен был бы взяться за нож. К счастью, водитель грузовика слов этих слышать не мог – он на полной скорости скрылся в узенькой улочке, перпендикулярной той, по которой двигался джип.

Был и еще один интересный факт. Похоже, за их кортежем следили. Сначала серая «Ланча», а примерно с середины пути ей на смену пришла потрепанная «Субару». Этот факт Мангуст просто мысленно отметил, но продумывать и анализировать пока не стал – слишком мало информации.

Дом, к которому они подъехали, производил сильное впечатление. Что-то подобное можно видеть в голливудских фильмах о жизни миллионеров – видимо, не все реалии режиссерами придуманы. Здание было белоснежным, дорожка, ведущая от ворот в узорчатой ограде к самому дому, была усыпана мелкими цветными камушками и обсажена высокими деревьями – эвкалиптами, если память Мангуста не подводила. С одной стороны от дорожки бассейн и какие-то хозяйственные постройки – каждая из них была и размером, и внешностью не хуже загородной дачи среднего российского бизнесмена. С другой стороны был сад или парк – как назвать это точно, Мангуст не знал. Высокие деревья, дающие хорошую тень, так и тянет при-

сесть под каким-нибудь из них и просто побездельничать, наслаждаясь теплом и свежим воздухом.

– Интересно, у меня все городские дома такие? – пробормотал себе под нос Тимохин. – Помнится, у меня их семь.

Несмотря на то, что слова эти не были обращены ни к кому конкретно, Энрике услышал и ответил:

– Разумеется, нет, Игорь Михайлович. – Бизнесмен уже успел объяснить ему, что такое обращение ему нравится куда больше, чем «господин Тимохин». – Остальные беднее, некоторые намного. Этот самый лучший. Но наследника дона Пабло я должен был привезти именно сюда.

Ворота перед ними распахнул гладко выбритый парень. Одет он был так же, как и сопровождавшие их ребята – в белую рубашу на выпуск и легкие брюки. На поясе у него, кстати, тоже просматривался пистолет. Они прошли по дорожке, поднялись на крыльцо. Рядом с дверью висел вполне современный домофон. Энрике нажал на клавишу, что-то негромко сказал по-испански. Через считанные секунды дверь открыла горничная. Черная форма, белая накладка, белый передник – выражение лица строгое, серьезное.

Компания разделилась на две части. Вторая горничная, появившаяся откуда-то сбоку, увела за собой охранников, привезенных Тимохиным из России. А за первой последовали солидные господа – сам наследник, Мангуст, который официально считался его юристом из России, Родригес, Степан и Энрике.

Горничная привела их в большой зал с широкими окнами. По стенам было развешено оружие – взгляд Мангуста задержался на русской кавалерийской сабле образца 1907 года. Он интересовался историей российского оружия, поэтому определил это безошибочно. «Интересно, не того ли самого российского эмигранта, основателя фамилии, эта сабеля?» – подумал Андрей.

Все расселись вокруг низкого, но широкого стола, на котором стояло несколько блюд с какими-то закусками. Энрике был этим удивлен – он сделал было попытку сначала предложить гостям комнаты и дать возможность отдохнуть после довольно долгого перелета. Но Тимохин решил иначе. Он еще по дороге объяснил Родригесу, а тот, в свою очередь, по телефону своему шефу, что хочет познакомиться с ситуацией сразу, не тратя времени на отдых. И сейчас глава нотариальной конторы, которую представлял Родригес, был уже в пути. Такой напор несколько удивил и Мангуста. С другой стороны – может, так оно и правильно.

Через пару минут горничная принесла мартини с апельсиновым соком и льдом. Это было весьма кстати – пить всем хотелось сильно.

– Скажите, Энрике, а как получилось, что вы свободно говорите по-русски? – спросил Мангуст, пригубив немного охлажденного напитка. Он рассудил, что до прибытия начальника Родригеса еще пройдет некоторое время, и глупо тратить его впустую. А управляющий оказался ему интересной фигурой. Да и вообще, пора было входить в курс дел. Особенно в свете пары фактов, которые он заметил по дороге сюда.

Управляющий ничуть не удивился вопросу.

– Я же сам частично русский, как и сеньор Пабло. Мой прадед приехал из России вместе с ним. Он был его ден-чиик. – Последнее слово явно далось Энрике с трудом. Тимохин, внимательно прислушивавшийся к разговору, непонимающе поднял брови. Мангуст и сам был в недоумении. Но недолго, всего через пару секунд догадался.

– А! Понял! Денщик, видимо, имеется в виду, – сказал он вслух. – Ну, правильно, у офицеров же были денщики. Иногда, особенно в тяжелые времена, становились им почти друзьями и в эмиграцию, бывало, вместе отправлялись.

– Да, – кивнул Энрике. – Прадедущка был господину Тимохину скорее другом, чем слугой. И они оба очень тосковали по России. Дети учили два языка, и испанский, и русский. Это стало традицией в наших семьях.

– Интересно, – протянул Тимохин. – А у вас в России родственники есть?

– Да, разумеется, – кивнул Энрике. – Я даже с ними знаком – специально ради встречи с ними я ездил в Россию.

– А как вы сумели их найти? – спросил Степан. – Ведь с Гражданской войны уже почти сто лет прошло.

– Это было нелегко, – ответил Энрике. – Пришлось потратить немало сил и денег, чтобы отыскать их. К счастью, существуют специальные фирмы, которые занимаются составлением родословных и другими делами такого рода. К одной из таких я и обратился. Правда, к сожалению, мои родственники оказались... – Он запнулся, явно подбирая нужное слово.

– В общем, вам они не очень понравились, – помог ему Тимохин.

– Да, – кивнул Энрике. – Но все равно, хорошо, что знаю о них.

– А сама Россия вам понравилась? – с интересом спросил Степан, который до сих пор почти не принимал участия в разговоре. Объяснялось это, видимо, тем, что он был не слишком разговорчив – положение зама по безопасности позволяло ему участвовать на равных с остальными.

– Да, – сказал Энрике. – Сама Россия очень понравилась. Конечно, она не такая богатая, как европейские страны, но все равно. В ней есть сила, есть дух – а это важно, и это хорошо понимаем именно мы. Нортеамерикано этого не поймут никогда. Россия – хорошая страна.

– Странно, что в вашей семье через столько лет сохранились чувства к России, – задумчиво сказал Тимохин. – Вы кажетесь скорее русским, чем... – Он запнулся.

– Чем коронадо, вы хотели сказать? – спросил Энрике. И, видя, что его не поняли, он пояснил: – Так называем себя мы, местные жители. И я сам, конечно же, именно коронадо, а не русский. А то, что мои предки из России... Это не слишком важно. У большей части коронадо предки когда-то приехали сюда из Европы. В основном – из Испании и Португалии, хотя и выходцев из других стран немало. И то, что я интересуюсь страной своих предков – не исключение, напротив, это бывает весьма часто.

– Пабло тоже был таким? – Этот вопрос Мангуст задал словно бы невзначай. Но на самом деле ответ интересовал его очень серьезно. От мотивов, которыми руководствовался покойный, многое зависело.

– О да, – кивнул Энрике. – И в очень большой степени. Он буквально болел Россией, грезил ею. Книг по русской истории у него было несколько сотен. А еще художественная литература российских писателей, справочники, фильмы... Особенно сильно это стало проявляться в последние лет десять. Сами понимаете – старость, к старости такие капризы у многих обостряются. Тем более что у вас сменилась власть. При всем своем интересе к России дон Пабло совершенно не переносил коммунизм. Так его воспитали отец и дед.

«Ну, неудивительно, – подумал Мангуст. – Чего еще ждать от белоэмигранта».

Сам он к Советской власти относился весьма неоднозначно. Многие в том, как была устроена родная страна до девяносто первого года, его раздражало. А многое, наоборот, очень нравилось. И вот ведь парадокс – превосходно пережили распад СССР и торжество демократии именно те черты страны, которые были неприятны. А вот все хорошее накрылось практически мгновенно.

– Правда, когда коммунистов отстранили от власти, дону Пабло было уже почти семьдесят лет, – продолжал Энрике. – Он хотел побывать у вас в стране, но здоровье не позволило.

«Оно и к лучшему, – подумал Мангуст. – А то как бы дедушка не разочаровался. В девяностых у нас такое творилось, что Латинская Америка просто отдыхает».

– Интересно, не поэтому ли он решил завещать свое состояние именно мне? – негромко спросил у Энрике Тимохин.

– Точно я не знаю, но думаю, что эта причина была основной, – отозвался тот.

– А скажите, что это за особое условие в завещании? Вы знаете что-нибудь о нем?

– Об этом вам лучше поговорить с сеньором Агиларре, – уклончиво ответил Энрике.

– Кто это? – наморщил брови Тимохин.

– Нотариус, – с легким удивлением в голосе объяснил Энрике. – Мы же как раз его и ждем!

– А, начальник Родригеса! Я просто сразу не понял.

– Кстати, вот и он. – Энрике смотрел куда-то за плечо Тимохину.

Русские обернулись.

Сеньор Агиларре, душеприказчик покойного, оказался пожилым мужчиной высокого роста. Волосы у него были черные с проседью, лицо узкое, осанка – словно шпагу проглотил. В общем, когда Энрике поименовал его доном, никакого внутреннего дискомфорта не возникло – это действительно был самый настоящий дон.

После взаимных приветствий все снова расселись за столом. Мангуст слегка напрягся – сейчас наконец должна быть внесена какая-то ясность. Быстро выяснилось, что все заинтересованные лица говорят по-английски, а значит, можно обойтись без переводчика. Увидев, как на лице Степана промелькнуло растерянное выражение, Мангуст мысленно хихикнул – знание языков это такая вещь, которую никакая снайперская стрельба и рукопашный бой не заменят. Хотя, кстати сказать, он Степану и в бою бы не уступил, надо полагать.

– Итак, господин Тимохин, в первую очередь хочу вам сказать, что вы – абсолютно законный наследник всего имущества покойного, кроме некоторых мелочей, которые он завещал слугам, – начал Агиларре. – Все документы составлены безупречно, ручаюсь вам. Впрочем, вы можете проверить все сами или поручить это любому вашему доверенному лицу, – Агиларре с достоинством кивнул Мангусту. Нотариус тоже пока считал его российским юристом.

– Вам виднее, сеньор Агиларре, – ответил Тимохин. – Вы знаете все тонкости местного законодательства, а мои специалисты нет. К тому же я отправлял текст завещания на экспертизу в одну из известных международных компаний, и меня уверили, что все в полном порядке. Но там говорится о некоторых дополнительных условиях, о которых ничего не сказано открытым текстом. Я так понимаю, что из соображений секретности.

– Именно так, – кивнул нотариус. – К тому же такова была воля дона Пабло. Я должен сообщить вам об этих условиях в личной беседе. Что сейчас и сделаю. Но сначала я хотел бы вас предупредить...

– О чем?

– Видите ли, последняя воля умершего человека часто кажется странной. Поверьте, за время своей работы я повидал такое количество условий, которые показались бы вам просто дикими, что уже отучился удивляться. Но вы...

– Не тяните, – несколько грубовато перебил нотариуса Тимохин. – Чего там пожелал мой драгоценный родственничек? Надеюсь, он не требует, чтобы я восстановил в России монархию?

– Нет, – улыбнулся Агиларре. – Так далеко его желания не заходили... Впрочем – поправлюсь. Именно желания, пожалуй, как раз заходили. Но он был далек от мысли возлагать такого рода предприятие на вас.

– И на том спасибо, – проворчал Тимохин. – Так что нужно-то?

– Чтобы объяснить, мне необходимо будет сделать небольшое вступление.

– Ну так делайте.

Мангуст заметил интересную вещь – похоже, Тимохин сознательно старался показаться глупее и грубее, чем он был на самом деле. Что ж, пожалуй, это разумно. Кто знает, на чьей

стороне этот нотариус на самом деле. Разумеется, он не может напрямую пойти против последней воли покойного, но на чьей стороне его симпатии – это еще вопрос. Не помешает создать у него не вполне точное представление о наследнике.

«До чего приятно работать не с обычным денежным мешком, а с человеком, работавшим в серьезной конторе», – в очередной раз подумал Андрей.

– Благодарю вас, – с легкой иронией в голосе сказал нотариус. – Вам, я полагаю, известно, что дон Пабло был внуком русского офицера, приехавшего в нашу страну в начале двадцатого века.

– Известно, – кивнул Тимохин. – Родригес объяснил. Это брат моего прадеда, его звали Иван.

– Да, только у нас его имя переименовали – его называли Хуаном Тимольярресом. Первый Тимольяррес в нашей стране. Так вот. У Хуана, – позвольте я буду называть его так, – было два ребенка, Мигель – это отец Пабло и Анхелиты. В шестьдесят девятом году Мигель отправился в экспедицию к верховьям реки Топакос. Это дикие джунгли. Не могу сказать, что там совсем никогда не ступала нога белого человека, – но случалось такое не больше десятка раз, это точно. Из этой экспедиции Мигель не вернулся, он умер от лихорадки там, в предгорьях. Там его и похоронили.

– А зачем его туда понесло? – снова довольно грубо спросил Тимохин.

– Золото, – веско произнес нотариус. – Насколько мне известно, Мигель получил информацию, что именно там индейцы во время конкисты спрятали часть своего золота. В том числе и облачение Солнца-Дарителя, а если судить по сохранившимся описаниям этой статуи, золота там не одна тонна. А ведь пропало не только это. Так вот, ему вроде бы удалось узнать, где именно. А ведь эта земля принадлежала именно ему – еще Хуан выкупил ее у правительства. Так что, в случае обнаружения клада, Мигель имел право на восемьдесят процентов его стоимости.

Тимохин насмешливо улыбнулся.

– Индейские клады... Старые карты, древние рукописи, признания на смертном одре, облачение статуи. Мне что-то сразу вспоминается Индиана Джонс. М-да. Я был лучшего мнения о своих здешних родственниках. Ведь они были бизнесменами, землевладельцами, серьезными людьми, насколько я понимаю. И этот Мигель, мой двоюродный дедушка, получается, поверил в такую чушь?

– Ну, не такую уж и чушь, – совершенно спокойно ответил Агиларре. – Я не говорю конкретно о том случае, я не знаю, что именно, как и от кого удалось узнать Мигелю. Жуликов и дураков, в самом деле, хватает. Но, тем не менее, индейское золото существует. Это не выдумка и не миф. Есть исторические документы – в шестнадцатом веке наши предки вывозили отсюда драгоценности галеонами.

– Ваши предки?

– Испанцы. В том числе и мои предки – фамилия одного из них несколько раз упоминается в документах того времени, – это Агиларре сказал с заметной гордостью. – Так вот, они разграбили, – увы, но иные слова здесь не подойдут, именно разграбили, десятки храмов. Но все же далеко не все. Часть своих драгоценностей индейцам удалось спасти. Правда, сами они золото драгоценным не считали, это для них были просто священные предметы. Но тем не менее – в руки конкистадоров попало далеко не все. До сих пор время от времени удается найти что-то. Например, года три назад в Перу обнаружили клад килограммов в двести золота и серебра.

– Ну, не в несколько же тонн, – уже не столь уверенно отозвался Тимохин.

– Находили и тоннами. Да и не в этом дело – важно, что индейские клады есть. Конечно, заниматься их поиском – авантюра. Но ведь случается, что и авантюры удаются.

– Пожалуй, – кивнул Тимохин.

Мангуст тихонько усмехнулся. Да кому как не российскому бизнесмену, сколотившему основной капитал в начале девяностых годов, знать, что авантюры бывают и удачными. Правда, в этом случае их, как правило, называют иначе.

– Только я не совсем понимаю, какое отношение смерть этого Мигеля имеет ко мне, – сказал Тимохин. – Ведь он умер очень давно – уже почти полвека прошло.

– Сейчас объясню. Видите ли, господин Тимохин, Мигель родился еще в России, он уехал оттуда ребенком, вместе с отцом. Но воспоминания о родине у него были. Он, как и его отец, на всю жизнь сохранил в душе тягу к вашей стране. Чем-то Россия завораживает – у нас живет не так уж мало эмигрантов и их потомков и, поверьте, – ни один к своей исторической родине не равнодушен. Многие любят, кто-то ненавидит, но равнодушных нет ни одного. Во всяком случае, я таких не знаю. Так вот, и Мигель, и Хуан не один раз говорили, что хотят быть похоронены в России. Я так понял, что для русских это очень важно – лежать в своей земле.

В последней фразе чувствовался завуалированный вопрос. Но ни один из присутствовавших русских ничего не ответил. В эмиграции никто из них не был, проблему похорон в родной земле не обдумывал. Хотя что-то такое Мангуст уже слышал.

Видя, что комментировать его слова никто не собирается, нотариус продолжил:

– Но они хотели, чтобы это случилось не раньше, чем власти коммунистов наступит конец. Оба они верили, что когда-нибудь это случится. Поэтому до девяносто первого года никаких шагов к перезахоронению Пабло не предпринимал. А потом, когда у вас сменилась власть, возникла другая проблема. Ведь Мигеля похоронили прямо в джунглях, прежде чем куда бы то ни было перевозить его тело, его нужно найти. А сам Пабло был уже слишком стар, чтобы этим заниматься. Он, правда, пытался посылать каких-то наемников, но ничего из этого не вышло.

У Мангуста засосало под ложечкой. Он понял, что сейчас скажет нотариус. И понял, на чью голову эта проблема ляжет – будто ему других мало.

И как в воду глядел.

– Так вот, последняя воля дона Пабло Тимольярреса, которую вам необходимо выполнить, чтобы вступить в наследство, – это отыскать прах его отца и перевезти его в Россию. И прах деда тоже – но с этим проблем не будет, Хуан похоронен на городском кладбище. А вот за останками отца придется организовывать экспедицию в джунгли. Иначе вам наследства не получить.

Глава 4

Первым делом, оказавшись в отведенной ему комнате, Мангуст проверил, хорошо ли запирается дверь и легко ли открываются окна. Результаты оказались неутешительными. На ключ дверь не запиралась вовсе. Изнутри, правда, был засов, но хлипкий настолько, что удержат его разве что не слишком решительного ребенка младше десяти лет. А под окном росло высокое дерево – несколько довольно толстых веток располагались под самым карнизом. Это тоже не радовало – забраться внутрь было проще простого.

Конечно, пока незваных гостей Мангуст не ожидал. Но всегда надо быть готовым к худшему. Тем более, что кое-какие основания для этого имеются. Во время разговора в большом зале, после рассказа об особом условии в завещании, нотариус поведал о тех, кому прибытие из России наследника пришлось поперек души. А таковых оказалось немало. Разумеется, в первую очередь – родственники покойного. Его тетка Анхелита и ее семейство. Судя по тому, что рассказал Агиларре, имя этой даме совершенно не подходило – ангельского в ней не было решительно ничего. И, что особенно плохо, была она неудачницей, а именно такие становятся особенно опасными, когда мимо рта у них проходит жирный кусок. Конечно, в основном это головная боль для Степана и его хлопцев, его дело – не охрана Тимохина. Но все же – как «боевик широкого профиля» – он должен прокачивать все возможные варианты силовых взаимодействий.

По словам Агиларре, у Анхелиты есть три взрослых сына и одна дочь. Конечно, вряд ли они станут предпринимать что-то серьезное сами, но нанять пару босяков здесь наверняка не труднее и не дороже, чем в России. А в России это можно за две пол-литры и десять баксов оформить. Сегодняшний грузовик, чуть не припечатавший их по дороге сюда... Нет, слишком сложно. Акции с участием тяжелого автотранспорта так легко не планируют. Может быть, простая случайность? Местные гоняют, как сумасшедшие, тут и без злого умысла авария на аварии сидеть должна и аварией же погонять. Но, с другой стороны, откуда тогда слежка? Или и слежка померещилась? Нет, здесь он уверен на все сто – их пасли. Впрочем, возможно, это проявление рутинной бдительности местного аналога ФСБ. Положено просто пасти всех подозрительных иностранцев, вот люди и стараются.

Впрочем, не об этом сейчас нужно думать, пожалуй. Насчет всех этих дел пусть, опять же, у Степана голова болит. А ему нужно начинать готовиться к экспедиции в джунгли. Веселенькая перспектива, нечего сказать!

В дверь постучали.

– Входите! – отозвался Мангуст по-английски.

Вошел Тимохин. Он был мрачен. Видимо, ничего особенно утешительного узнать не удалось – а он должен был выяснить, есть ли хоть какая-то информация о месте, куда в шестьдесят девятом году отправился его двоюродный дедушка.

– В общем, пока мне тебя толком порадовать нечем, – с порога заявил коммерсант. – Никаких карт, бумаг и так далее не осталось. Тайна, понимаешь ли! Как же, золото ведь искать собирались, придурки недоделанные! Правда, вроде бы кто-то из тех, кто туда вместе с этим Мигелем ходил, до сих пор живой, может, удастся его отыскать.

– Хорошо бы, – кивнул Андрей. – А то даже с картой, если живого человека не будет, который в этой их экспедиции участвовал, могилу можно искать до морковкина заговенья. Особенно в тех местах.

– Ну тебе никто легкой жизни и не обещал.

– А нельзя ли так сделать – отправиться в джунгли, пару недель там послоняться, а потом притащить чьи угодно кости и сказать, что это те самые и есть. Нечестно, конечно, но мне почему-то кажется, что большой разницы нет.

– Нельзя, – решительно ответил Тимохин. – Не думай, что ты один такой умный. Не исключено, что родственнички только такого финта от меня и ждут. Анализ ДНК сейчас в два счета делается и не слишком-то дорого стоит. Уличат в обмане и привет. После такого уже любой суд на их стороне будет. Они тут к последней воле человека очень серьезно относятся. Так что и выполнять ее придется всерьез. Больше ничего ценного сказать не хочешь?

Мангуст вкратце поделился своими наблюдениями – насчет грузовика и слежки.

– Насчет грузовика ничего сказать не могу, на дорогу я не смотрел, а гоняют они тут все как бешеные, – сказал Тимохин. – А вот слежка точно была. Степан тоже заметил.

– А вы сами что скажете? Чай, тоже не шеф-поваром работали, опыт есть.

Тимохин поморщился.

– Я был не оперативником, а аналитиком. Кабинетная работа, понимаешь ли. Засекать слежку не умею. Вернее, умею только теоретически, а реального опыта нет. Ну что, будешь теперь презрительные гримасы корчить?

– Нет, зачем же, – пожал плечами Мангуст. – Я прекрасно понимаю, что кабинетная работа тоже бывает важной, и даже очень.

– Ну, просто камень с души, – ехидно сказал Тимохин. – Кстати, как раз с точки зрения опыта аналитика хочу сказать – больше похожа на истину твоя вторая версия. То есть та, которая насчет рутинного интереса спецслужб к иностранцам.

– Вот и мне так кажется. Значит, пока никаких контрмер не предпринимать?

– А какие контрмеры ты хотел предложить?

– Ну, к примеру, выяснить, что это были за машины, кому принадлежат. Номера-то я запомнил.

– И не ты один. Хм... Что ж, пока тебе больше делать все равно особенно нечего. Займись этим. Только деликатно, как можно деликатнее.

– Понял. А что насчет суда и так далее?

– Пока никакого суда не будет. Будет официальное публичное оглашение завещания. И после этого мне нужно будет выполнять последнюю волю покойного. И только после того, как я ее выполню, наследство может быть окончательно передано мне.

– И когда будет это оглашение?

– Завтра утром.

Тут в кармане Тимохина запищал мобильник.

– Да? – раздраженно сказал он в трубку. – Кто? Ну что ж делать, пускайте, мы гостям всегда рады.

– Кто там заявился?

– Какой-то дон Себастьян, – пожал плечами Тимохин. – Не знаю такого. Что ж, вот и узнаю.

Он шагнул к двери и вдруг приостановился, задумавшись.

– Так, а иди-ка ты со мной. На всякий случай. Мало ли, что это за дон. А со мной сейчас всего один человек.

Дон Себастьян, ожидавший Тимохина на обширной веранде, оказался человеком пожилым и на вид неопасным. Зато куда более серьезное впечатление производили три крепких мужика, маячившие у него за спиной. А с Тимохиным, не считая Мангуста, оказался всего один охранник – находясь, можно сказать, у себя дома, бизнесмен ничего не боялся. Сейчас, видя грозно сдвинутые брови и прикушенную губу незнакомого дона, Мангуст пожалел о такой расстановке сил. Впрочем, он и сам многих стоит. Но не хотелось бы раскрывать свое инкогнито так быстро. Чем дольше окружающие будут считать его обычным юристом, тем лучше.

– Что вам угодно? – спросил по-английски Тимохин, широким жестом указывая незваному гостю на стол – расторопная горничная уже успела принести мороженое и охлажденный манговый сок.

– Так вы и есть тот самый русский? – спросил визитер, сверкнув глазами.

– В каком смысле «тот самый»? – поинтересовался Тимохин, уже куда менее любезно.

– В смысле наследничек. – Пришелец упер руки в бока, набылчился. Эта поза, в сочетании с хрупкой комплекцией, производила комичное впечатление. Но мрачные громилы за спиной старика настраивали на более серьезный лад.

– Да, я это он и есть, – кивнул Тимохин. – А с кем имею...

– Ну, хорошо хоть на одном человеческом языке разговариваешь. А то я думал, кроме своего обезьянского и не знаешь никаких.

– Я, значит, обезьяна, – протянул Тимохин. – А вы, как я посмотрю, образец истинного кабальеро.

Его английский был, кстати сказать, заметно лучше.

– Именно так! – Пришелец набылчился еще сильнее. – И заруби на носу, я о таких, как ты, и рук пачкать не буду! Велю слугам, они тебя в самолет и запихнут, если сам не пошевелишься! И не думай, что хоть кто-то тебе...

– Достаточно! – В голосе Тимохина явственно зазвенела сталь. – Кажется, я понял, что вы имеете в виду. Вы местный, а я пришлый. Здесь все за вас и все против меня. Поэтому вы предлагаете мне убраться восвояси, а с наследством тут и без меня разберутся. Я правильно вас понял?

– Именно так! – тряхнул головой старик. – А если...

– Не трудитесь! – снова перебил его Тимохин. – Все ваши угрозы я и так представляю. А теперь потрудитесь развернуться и выйти вон!

– Что?!! – Старикан аж побагровел. – Себастьяна Карралоче еще никто ниоткуда не выгонял!! Сейчас...

– Значит, я буду первым, – по-прежнему не повышая голоса, сказал Тимохин. Мангуст почувствовал, что этот человек нравится ему все больше – суметь в такой ситуации не опуститься до примитивной склоки – это надо суметь. – Поскольку я вас именно выгоняю. Имею полное право – здесь мой дом.

– Твой?!! Это дом Пабло! Брата моей жены!!

«Ах вот ты кто такой, – подумал Мангуст. – Муж сеньоры Анхелиты. Ну что ж, этого следовало ожидать».

– Пабло Тимольяррес завещал этот дом вместе с остальной своей собственностью именно мне, – сказал Тимохин. – Что подтверждается соответствующими документами. Так что я вынужден повторить свою просьбу. Если вы не уйдете сами, вас выведут силой.

– Меня?! Интересно, кто во всем этом городе решится вывести меня силой хоть откуда угодно! Нет. – Старик шагнул вперед, потряс пальцем перед лицом русского. – Это тебя сейчас мои слуги...

«Кстати, что-то местных охранников правда не видать, – как-то отстраненно подумал Мангуст. – Странно, ведь должны быть где-то поблизости. А все парни Степана, кроме того, что с нами, сейчас спят. Похоже, придется все-таки самому...»

– Эй, ребята, вышвырните этого типа за ворота, – скомандовал дон Карралоче своим людям. Говорил по-испански, так что никто из русских, кроме Мангуста, его не понял. Правда, когда все трое громил слаженно ринулись вперед, неясностей не осталось. Охранник Тимохина, – Валера, кажется, его звали, – рванулся им наперерез. Мангуст медлил – до последнего надеялся, что высовываться не придется. Вдруг подготовки Валеры хватит? Ведь не лохи же таких людей, как Тимохин, охраняют!

Да, не лохи. Но и не суперпрофи. За десятые доли секунды, буквально по нескольким движениям, Мангуст определил прошлое парня. Он наверняка служил срочную в десантуре – видно по кое-каким деталям, по особенностям движений. Потом, после возвращения на гражданку, угодил в какую-то охранную фирму, прошел курсы телохранителей. И все. Много, по

сравнению с обычным человеком, который вообще никакой подготовки не имеет. Но для настоящего профессионала – мало до смешного. А те трое, которым сейчас противостоял парень, были примерно такого же замеса. Ну, не российский десант, а какой-нибудь местный спецназ – велика ли разница? В схватке один на один Валера, пожалуй, победил бы любого из троих – хоть и не без труда. Но если при примерно равной подготовке соотношение сил один против троих, то что получится?

Правильно. Вот это и получилось.

Первого противника Валера сумел достать – кулаком в челюсть. Но латинос успел среагировать, уклонился, и удар пришелся вскользь. А один из его товарищей тут же ткнул русского двумя согнутыми пальцами в солнечное сплетение. Валера тоже сумел уклониться, и удар пришелся по ребрам. Но вот от навалившегося с другой стороны третьего противника он уклониться уже не смог. Тот ударил ногой по лодыжке – простой, но весьма эффективный удар, особенно, когда противник отвлечен. Валера рухнул как подкошенный, хлопнулся об пол всей спиной, аж пыль поднялась – хоть и не было вроде бы пыли на чисто выметенной веранде. После такого падения, как правило, быстро не встают. Но Валера оказался исключением, проявив те самые черты русского национального характера, из-за которых все соседи терпеть не могут с Россией воевать, – упрямство и стремление драться до конца. Он перекатился на бок, вскочил и сумел точным ударом вдребезги расхлестать нос тому самому латиносу, который его свалил, – тот уже было вперед шагнул, считая противника обезвреженным. Целился-то Валера явно не в нос, а в подбородок, но не дотянулся. Но на этом его успехи на сегодня закончились. Зверски ощерившись, второй холуй дон Себастьяна врезал ему кулаком в шею, под челюсть. И, разумеется, вырубил. Тройка громил ринулась на Тимохина и Мангуста.

Они все это время, – хотя и продолжалась-то драка всего секунд десять, – стояли неподвижно. А что еще делать сеньорам, когда охрана дерется? Не «караул» же кричать! Неприлично как-то. Так же, кстати сказать, вел себя и дон Себастьян – вот только физиономия с каждой секундой у него становилась все более и более довольной.

«Ну, ладно, старый хрен! – с веселой злостью подумал Мангуст. – Посмотрим, как ты сейчас запоешь». И он шагнул вперед. В каждой руке у него уже было по ножу – самому обыкновенному столовому ножику, которые вместе с прочими столовыми приборами подавала служанка. Вот только концы у них были не закругленными, а совершенно нормальными – в Латинской Америке именно такие на стол подают. Обе руки взметнулись и опустились синхронно – причем с такой скоростью, что и атакующая кобра позавидовала бы. И тут же двое из троих латиносов словно к полу приклеились. Выглядело это, кстати, очень забавно. Вот только что огромный смуглый дядька несясь вперед, угрожающе размахивая руками, – и вдруг словно споткнулся, чуть не пропахал лицом пол. Но при этом остался на ногах – а попробуй не останься, если нож пробил ботинок и ушел в пол минимум пальца на три. Тут захочешь, а не упадешь. Правда, как ни странно, заорал всего один из двоих пострадавших. А другой только очумело пялился на свою ногу и, кажется, еще не вполне понял, что с ним стряслось.

Зато третий громила, похоже, даже не заметивший в азарте того, что случилось с его товарищами, был уже всего шагах в трех от русских. Поскольку Андрей стоял впереди, его этот мужик явно собирался сокрушить первым. Мощный кулак уже рванулся вперед – не считая противника за серьезного человека, латинос явно намеревался просто, без выкрутасов, дать ему по морде. Но просчитался. Мангуст плавным, но очень быстрым движением как бы перетек чуть левее. И кулак напрасно вспорол воздух в паре сантиметров от его щеки. А латинос, увлекаемый инерцией удара, потерял равновесие. Сам бы он, может, и не свалился бы, но Мангуст, как человек по природе своей добрый, решил ближнему помочь и пнул его по голени – на вид несильно, но ногу просто вынесло из-под владельца. И тот с маху припечатался лицом об пол веранды – даже руки подставить не успел. После такого встают только в фильмах. А поскольку ни режиссера, ни оператора поблизости не случилось, павший гoblin вставать не торопился.

А Мангуст уже внимательно смотрел на его коллег, которые по-прежнему дергались на месте. Один из них при этом шипел от боли, второй нет.

– Эх, старею я, что ли, – негромко, словно самому себе, сказал Мангуст. Правда, говорил по-английски. – Одного ведь зацепил, кажется.

– То есть? – заинтересованно спросил Тимохин, на лице которого не отражалось ровным счетом никаких особенных эмоций. Можно было подумать, что подобные сцены он каждый день по несколько раз наблюдает.

– Я не должен был им ноги повредить, – сказал Мангуст, обращаясь к нанимателю и даже не глядя ни на корчившихся гоблинов, ни на их хозяина. – Что же я, зверь – людей напрасно калечить. Между пальчиков ножички должны были пройти. А вот смотрите – один раз неточно пошел.

– Выходит, одного все-таки покалечил?

– Ну, не так все страшно. Там и не рана вовсе, а какая-нибудь жалкая царапина. А уж кость-то точно не задета – я больше чем на полсантиметра не промахиваюсь, – успокоил Тимохина Андрей.

– Это хорошо, – кивнул Тимохин. Глядел он уже на дону Себастьяна, который медленно бледнел – у смуглых людей в таких случаях кожа сереет. – А что нам делать с этим типом?

– Это уж вам решать, Игорь Михайлович.

– А мы его собственной мыслью воспользуемся, – сказал Тимохин с видом Ньютона, только что получившего по голове тем самым яблоком. – Выкинь-ка его, пожалуй, за ворота, Андрей. Что ж еще делать с гостем, который приходит незванным, а потом еще и хозяевам хамить начинает?

Мангуст кивнул. И пошел к дону Себастьяну – аккуратно обогнув прибитых к полу охранников. Они оба по-прежнему дергались, но с места сдвинуться не могли, хоть тресни. Один уже сообразил не дергать ногой, а присесть на корточки и попытаться вытащить нож руками. Но пока безуспешно. Ножи были брошены очень сильно и вошли в пол глубоко. Так что, не расшнуровав ботинка, освободиться не представлялось возможным. А развязывать шнурки на глазах у врага – как-то уж совсем смешно и глупо. Да и развяжешь – ботинок-то все равно не снять и ногу не вытащить. В общем, положение у обоих было идиотское до предела – а тут еще Тимохин вытащил свой мобильник и явно вознамерился их сфотографировать.

Тем временем Тимохин подошел к дону Себастьяну. Тот, в последние секунды окончательно осознав, что с ним сейчас будет, сунул руку под рубашку, но вытащить ствол, разумеется, не успел. Мангуст крепко схватил его за запястье, вывернул руку за спину – пушка шлепнулась на пол. После этого Андрей взял дону одной рукой за пояс, а второй за шиворот. Поднял и понес к воротам. А за воротами уже сустились два парня с какой-то видеоаппаратурой и симпатичная брюнетка с микрофоном. На приближающегося к воротам Мангуста они смотрели с легким обалдением, но профессиональные рефлексы быстро взяли верх над удивлением – камеры нацелились на Андрея и его пленника.

Ворота были не заперты, и Мангуст распахнул их молодецким пинком – одна из створок чуть не зашибла парня с профессиональным фотоаппаратом. А после этого Мангуст пару раз качнул своего пленника и запустил его по восходящей траектории. Поскольку дон Карралоче был весьма щедрушен, пролететь ему пришлось метров семь, как минимум. Приземлился он прямо в лужу – причем ее желтоватый цвет заставлял сильно усомниться в том, что там только вода.

– Сеньор, сеньор! – Брюнетка с микрофоном кинулась на Мангуста, как вратарь на мяч, и вцепилась в полу пиджака.

Запрета на общение с прессой Мангуст не получал. Кроме того, в голове у него уже начали складываться некоторые интересные мысли по поводу случившегося. Поэтому он остановился и дружелюбно улыбнулся.

– Да, сеньорита?

– Объясните, что у вас произошло? Почему... – Она запнулась, явно затрудняясь подобрать для увиденного подходящие слова.

Мангуст пришел к ней на помощь.

– Вы об этом? – он небрежно кивнул на дона Себастьяна, который как раз в этот момент с трудом поднимался на ноги. С него текло, а выражение лица было такое... В общем, просто слов подходящих не подобрать.

– Да, да, – закивала брюнетка, тыча свой микрофон Мангусту прямо под нос.

– Видите ли, – сказал Мангуст, – этот сеньор пришел к нам в гости и невежливо себя вел. Поскольку к вежливым просьбам покинуть дом он оказался глух, пришлось прибегнуть к таким мерам, – он снова кивнул на стоявшего в луже дона. – Если вас интересуют еще какие-то подробности – выясните их у него. Или у кого-то из его охраны, полагаю, эти трое парней тоже скоро покинут дом дона Тимольярреса.

С этими словами Мангуст кивнул девушке и аккуратно закрыл ворота, не дожидаясь дальнейших расспросов. Только успел заметить краем глаза, что красotka рванула к Себастьяну. Да уж. Ему сейчас самое время пообщаться с прессой.

В течение ближайших десяти минут все трое сопровождавших дона Себастьяна типов тоже были выставлены за ворота. Попутно их деликатно избавили от части содержимого карманов. Нет, разумеется, деньги не тронули, Мангуст и не думал опускаться до примитивного грабежа. Но вот документы этих орлов его очень интересовали. Впрочем, ничего особенно интересного в них не оказалось. Удостоверения какой-то частной охранной фирмы. След, конечно, но слабый. Умные враги так примитивно подставляться ни за что не стали бы, а глупых и так бояться нечего.

Глава 5

– И что же все это значило, по-вашему? – громко спросил Тимохин, оглядывая прочих присутствующих. А присутствовали в столовой, кроме него самого, еще три человека. Только что разбуженный Степан, Энрике и Мангуст. Степан был мрачен – а чего еще ожидать от человека, который больше суток бодрствовал, а потом был разбужен, не успев поспать и часа. Энрике казался напряженным и собранным. Ему явно хотелось что-то сказать, но он пока сдерживался – видимо, из соображений субординации. Только Мангуст был внешне весел и доволен жизнью. Собственно, почему бы и нет? Он честно сделал как раз то, ради чего его и наняли. И окончательно убедился, что клиент ему попался хороший, за которого не стыдно – а это дорогого стоит.

Похоже, в голову его нанимателю пришли те же мысли, что и ему самому.

– Так вы, значит, считаете, что этот осел приперся сюда не просто так? – спросил Мангуст вслух.

Тимохин раздраженно махнул рукой.

– Ну, разумеется, нет! Не нужно меня дураком-то считать! Осел – он и есть осел. А на серьезный наезд это совершенно не тянуло. Так, дешевая оперетка. Комикс. Есть, конечно, шанс, что этот дурак приперся сюда по собственной инициативе. Но что-то мне в это не верится.

– Вы совершенно правы, сеньор, – сказал Энрике. Мангуст покосился на него с легким подозрением. Он вообще был не уверен, стоит ли этому типу доверять. Не лучше ли оставить все серьезные разговоры только для тех, кто приехал из России. Мало ли кому этот Энрике на самом деле служит. А ведь быстро его не проверишь. Но Тимохин решил пока управляющему доверять.

– Что вы имеете в виду, Энрике? – спросил Тимохин.

– Дон Себастьян никак не мог сделать все это по своей инициативе.

– И почему вы в этом так уверены? Видимо, у вас, как у человека местного, есть свои соображения. Выкладывайте, с удовольствием послушаю.

– Во-первых, он беден. Его средств не хватило бы на то, чтобы нанять трех парней из «Гренады». Это серьезная контора, они стоят дорого. А я проверил, документы, которые вы у них отняли, настоящие, так что они действительно оттуда.

Тимохин кивнул. А Мангуст слегка пожал плечами. Да, хиловата что-то у латиносов оказалась серьезная охранная контора. Хотя, с другой стороны, Валера, надо полагать, тоже не из самой плохой. А оказался не намного лучше. Так что в России все так же.

Тем временем Энрике продолжал:

– И во-вторых, я знаю дона Себастьяна. Он не слишком храбрый человек. Вести себя так, как он вел себя по-вашему описанию, он мог, только если чувствовал за собой серьезную поддержку.

Здесь оставалось поверить Энрике на слово, но, в конце концов, почему бы и нет? Раз уж решили пока ему верить, то так тому и быть.

– И последнее, – Энрике помрачнел. – Я еще не принес вам, сеньор Тимохин, свои глубокие извинения за то, что мои подчиненные вам не помогли.

– Да уж, за это следует приносить извинения, – кивнул Тимохин. – Я бы после такого прокола половину подчиненных поувольнял, а вторую половину оштрафовал. Ваши люди мне пока не совсем подчиненные, но после окончательного вступления во все права я, наверное, так и сделаю.

Тимохин не сказал вслух, что начнет как раз с Энрике, но эти слова угадывались в интонации совершенно отчетливо.

– Чтобы на территории, которую вам поручено охранять, творилось такое, а ваши люди подоспели только, когда все уже кончено... – продолжал бизнесмен. – Это плохая работа.

– Возможно, нас несколько оправдает то, что это не было обычным промахом, – сказал Энрике.

– А каким же? – вскинул брови Тимохин.

– Дело в том, что я получил информацию о том, что на дом готовится нападение.

– От кого? – тут же перебил его Тимохин.

– От одного из своих информаторов, – уклончиво отозвался Энрике. – Вы же понимаете, в большом городе невозможно нормально жить и работать без целой сети...

– Понимаю, – кивнул бизнесмен. – Ну, объясните подробнее, что в вашу сеть попало.

– Мне сообщили, что на дом нападут. Что несколько человек атакуют дом с тыльной стороны, взорвут забор и ворвутся на территорию. О конкретной цели предполагаемых нападавших мой информатор ничего не знал, но я предположил, что их цель – убить вас.

Мангуст слегка улыбнулся. Ему нравились люди, которые называли вещи своими именами, не прикрывая слово «убить» стыдливymi эвфемизмами типа «убрать», «устранить», «нейтрализовать» и так далее.

– И что? – поторопил управляющего Степан.

– Мы подготовили контрмеры. Почти все мои люди были задействованы. Когда я узнал о том, что у главного входа – дон Себастьян, то решил, что это отвлекающий маневр.

– Ха, изычно! – усмехнулся Тимохин. – А на самом деле оказалось, что отвлекающим маневром была как раз полученная вами информация. Простенько, но со вкусом. Кто-то вас неплохо знает. Для таких комбинаций нужно хорошо представлять психологический портрет противника.

– Видимо, вы правы, – кивнул Энрике. – Изучить меня не так сложно, я давно живу в этом городе.

– Я одного не понимаю, – вклинился в разговор Степан. – Если настоящая акция заключалась как раз в визите этого придурка, которого мы, – Мангуст про себя отметил это «мы», – выкинули за ворота, то в чем был ее смысл? Убивать никого бы они все равно не стали. Такими делами днем и с настоящими документами в кармане не занимаются.

Мангуст тоже задавал себе этот вопрос. Но, в отличие от Степана, кажется, уже знал ответ. Не зря же у ворот оказались журналисты с видеотехникой. Ответ Энрике полностью подтвердил его версию.

– Они могли бы сделать то, что и собирались. Выкинуть господина Тимохина за ворота.

– И что? – отозвался Степан. И тут же смешался. – Ну, то есть я понимаю, что ничего хорошего в этом не было бы...

– Да уж, – усмехнулся Тимохин.

– Было бы очень плохо, – серьезно сказал Энрике. – В нашей стране очень многое зависит от уважения.

– Это везде так, – сказал Тимохин.

– У нас особенно. Если бы вас, законного наследника, выкинули за ворота собственного дома... Это был бы не просто скандал. Это был бы позор даже не на весь город – на всю страну. И ваша репутация пострадала бы так сильно, что никакой серьезный человек не захотел бы иметь с вами дело. Вы стали бы человек второго сорта – так у вас, кажется, говорят?

– Не совсем, но я понял, – Тимохин помрачнел. – В общем, вывалили бы меня в говне, а я бы и сделать ничего не смог.

– Вот именно, – кивнул управляющий. – Конечно, можно было бы обратиться в полицию, но...

– Не продолжайте, все ясно. У Себастьяна проблемы были бы минимальные, а я бы только еще больше опозорился.

– Вот именно. А если бы вы начали мстить сами... – Энрике покачал головой. – Возможно, на это тоже был расчет. Тогда можно было бы на этой мести попасться и получить неприятности с законом.

– Понятно, – кивнул Тимохин. – Что ж, значит, мне очень повезло, что со мной оказался Андрей.

– Да, – так же серьезно отозвался Энрике. – Теперь все будет наоборот. Это дон Себастьян попадет во все газеты и выпуски новостей, он будет опозорен.

– А у нас появится возможность узнать, кто за ним стоял, – негромко сказал Мангуст. – Нужно потрясти вашего информатора, выяснить, от кого он получил сведения насчет предполагаемого нападения на дом. Что скажете, Энрике?

Ответ управляющего был очень важен. Если он станет влиять, пытаться спустить все на тормозах, значит, ни о каком доверии ему и речи идти не может. Даже если попробует просто не допустить до этого дела русских, пообещает разобраться исключительно своими силами – и это будет в высшей степени подозрительно.

– Я сам хотел предложить именно это, – с достоинством сказал Энрике.

– Рад, что в вас не ошибся, – сказал Тимохин. Он тоже понял подоплеку последних слов управляющего. Тот демонстрировал верность законному наследнику своего покойного хозяина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.